

exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2025 №1

Содержание

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

Е. В. Шишмарева, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Заместитель главного редактора

О. В. Горбач, канд. экон. наук (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

О. В. Радченко, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Редакционный совет:

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
(председатель)

Н. В. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
О. В. Костюнина, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Е. В. Кузнецов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Л. А. Петрякова, преподаватель (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 52-19-00; факс: +7(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: +7(3952) 52-11-90; факс: +7(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis@law.isu.ru
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону.*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.*

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2025

Екимова М. Ю.

Злоупотребление правом: понятие, виды и последствия 2

Комиссарова О. А.

Меры прокурорского реагирования на нарушение законодательства
при использовании сокращенной формы дознания 6

Корольков Д. А.

Актуальные вопросы применения статьи 290 УК РФ
(получение взятки) по признакам субъективной стороны 9

Макаренко Е. К.

Проблемы правовой регламентации и систематизации актов
прокурорского реагирования в сфере надзора за процессуальной
деятельностью органов, осуществляющих дознание и предварительное
следствие 12

Волков К. А., Мишура И. Б.

Империя как форма государства: современные подходы к пониманию 16

Назаров Н. С.

Административно-правовой спор в сфере оборота электроэнергии,
возникший при осуществлении майнинга цифровой валюты,
и способы его разрешения 22

Прокопьева К. С.

Признаки экстраординарных сделок в корпоративных отношениях 27

Середкина С. Е.

Проблемы злоупотребления процессуальными правами
в арбитражном судопроизводстве 31

Ханхасаев П. Н.

Особенности и перспективы развития и ведения индивидуального бизнеса ... 35

Шильникова А. М.

Эколого-правовое просвещение в контексте проблем правовой охраны
озера Байкал 38

Злоупотребление правом: понятие, виды и последствия

© Екимова М. Ю., 2025

М. Ю. Екимова

Магистрант 3-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: MariaE2000@yandex.ru

Научный руководитель:

Н. Э. Шишкина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: shishkina1957@rambler.ru

Аннотация. Освещается такой сложный вопрос, как злоупотребление правом. Рассматривая современную юридическую науку, мы видим, что она состоит из множества правовых положений, базирующихся на оценивании разных параметров, которые необходимо пояснить и детально изучить, что вызывает определенные трудности и провоцирует различные злоупотребления. Согласно действующему законодательству гражданские права должны применяться только в качестве защиты интересов и прав граждан, но не для поправления данных прав путем разного толкования норм либо их обхода. В статье уделено особое внимание практическому применению запрета на злоупотребления правом, исследуются нововведения, связанные с данным вопросом. Кроме того, особо тщательно рассматривается аспект добросовестности, на котором и строится все гражданское право. Также уделяется внимание тем инструментам, посредством которых становится возможным обойти правовые нормы. Автор делает вывод о том, что очень важное значение имеет правильное определение таких понятий, как «субъективное вещное право», «интерес, защищаемый законом». В процессе гражданских правовых отношений все стороны должны соблюдать разумность и добросовестность, не допускать нарушений данных норм.

Ключевые слова: злоупотребление правом, границы субъективных гражданских прав, добросовестность участников гражданских правоотношений.

Современные правовые тенденции на фоне формирования мировых масштабных отношений между странами вызывают взаимопроникновение разных принципов гражданского права, трансформируют гражданское законодательство нашей страны, позволяют использовать такой инструмент, как саморегулирование отношений между сторонами гражданских правовых отношений. Сложившаяся ситуация стала причиной появления большого количества оценочных норм, что, в свою очередь, привело к необходимости их детального пояснения и уточнения.

По итогам исследования законодательства в области гражданского права были найдены оценочные правила, которые возможно интерпретировать с разных сторон и применять в правовом поле в разных вариантах. В частности, мы говорим об основном императивном правиле, согласно которому запрещается злоупотребление гражданскими правами.

В. П. Камышанский считает, «что сложившийся подход законодателя к проблеме злоупотребления в гражданском праве не способствует уяснению правовой природы данной категории, а наоборот отдаляет цивилистов от ее истинного понимания, о чем неоднократно писалось в научной литературе» [1, с. 2].

Сегодня теоретики права должны сформировать такое теоретическое основание, «которое сможет наиболее адекватно раскрыть природу злоупотребления субъективным гражданским правом как юридического явления» [2, с. 66].

С нашей точки зрения, таким учением может стать теория осуществления и защиты субъективных гражданских прав.

В области гражданского права активно обсуждается вопрос о границах субъективных прав и их злоупотреблении. Исследование этой темы в рамках цивилистической науки позволяет более глубоко понять механизмы регулирования правовых отношений.

Основное достоинство подхода, упомянутого выше, заключается в том, что он определяет четкие рамки, соответствующие интересам сторон и предоставляющие гарантии безопасности их прав и защиту от нарушений прав другими участниками правовых отношений.

Что касается субъективных прав, то они все обладают своими рамками, сферами применения, сутью и методами осуществления. В том случае, когда нет конкретизации данных рамок, возможно проявление попыток нарушений и обхода закона.

Таким образом, любое правонарушение обладает связью с теоретическим основанием субъективного права, так как всегда, когда идет разговор о правах, есть риск их нарушения, обхода либо злоупотребления. Сегодня нельзя говорить, что права человека являются абсолютными и непоколебимыми, поскольку всегда существуют интересы второй стороны правовых отношений, что вызывает использование императивных правил, посредством которых устанавливаются рамки для свободы субъектов правовых отношений.

Рассматривая содержание слова «ограничение», мы видим, что в современном словаре присутствует его аналог – «предел». Но в первом варианте речь идет о процессе, когда устанавливаются определенные границы, формируются конкретные условия. Поэтому с этой точки зрения обязательство или императивное запрещение будет означать рамки субъективного гражданского права в общем понимании. Вместе с тем многие современные эксперты обладают различными мнениями относительно трактовки данных определений.

Согласно высказываниям некоторых исследователей, запрет трактуется «как особый способ правового регулирования, позволяющий вытеснить нежелательные, несправедливые, неразумные общественные отношения за пределы правового пространства. При этом, согласно их интерпретации, ограничение права неверно понимать как запрет. Последнее понятие более относится к способам правового регулирования и представляет собой один из видов правовых ограничений» [3, с. 18].

Рассматривая гражданское право, видим, что формирование рамок для осуществления субъективного права следует трактовать как понижение его реализации в границах единоличного постановления и изъятие его из правового поля.

Противоправное применение права можно определить в качестве разностороннего фактора юриспруденции. Так, это может трактоваться в виде формирования юридических рамок, которые необходимы для запрещения нарушения субъективного права, что показывает неприемлемость тех шагов, которые могут быть реализованы для правовых злоупотреблений. В сфере гражданского права подобные меры призваны защищать его и предотвращать любые нарушения.

С иной точки зрения, «юридическая природа данного феномена свидетельствует об отношении злоупотребления правом к ограничениям субъективного гражданского права. В последнем контексте злоупотребление правом выступает пределом допустимой свободы действий субъекта гражданского права при выборе варианта осуществления его субъективного гражданского права для удовлетворения своего частноправового интереса соразмерно с субъективным пониманием социальных и правовых ограничений. К последним можно отнести нравственные и правовые принципы.

Любое нарушение прав, определенное в качестве границ субъективного права, нацелено на предотвращение действий, посредством которых субъект может нарушить права в рамках определенных гражданских правовых отношений.

Если говорить об общей сути запрещения нарушений субъективного права, то она зафик-

сирована в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ с указанием на то, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Посредством данного положения, которое присутствует в действующем законодательстве, происходит регулирование единых границ при реализации субъективного гражданского права [4].

Сравнивая конституционные и гражданские нормы, мы видим, что в ст. 10 ГК РФ прописано безапелляционное запрещение действий в правовых гражданских отношениях, посредством которых можно причинить ущерб одной из сторон данных отношений, а также тех шагов, с помощью которых можно обойти законодательство в интересах одной из сторон. Подобное поведение считается недобросовестным осуществлением прав.

Внесенные коррективы в вышеуказанную статью, в принципе, являются позитивным моментом, поскольку посредством данных изменений можно брать во внимание различные обстоятельства, которые возникают в процессе рассмотрения дела. Но вместе с тем следует понимать, что в нашей стране все решения, которые принимаются в правоохранительной и судебной системах, в основной массе защищают интересы государства.

В подобной ситуации всем участникам гражданских правовых отношений гораздо эффективнее будет применять те положения законодательства, которые обладают четкой формулировкой, защищающей участников и их интересы и не позволяющей реализовывать произвольную интерпретацию со стороны соответствующих органов.

Кроме того, следует всегда помнить, что, даже несмотря на то, что данный юридический аспект зафиксирован в действующем законодательстве, а также присутствует в международных правовых положениях, наши отечественные судебные и правоохранительные органы зачастую просто забывают о нем либо сознательно не применяют данный принцип. Таким образом, налицо нарушение прав, которое реализуется путем применения ст. 10 ГК РФ.

Опираясь на все сказанное, считаем необходимым определить «юридическую суть запрета злоупотребления правами посредством следующих мер:

- а) детального рассмотрения места в общей структуре права, где происходит злоупотребление правом;
- б) определение свойств комплекса положений о запрещении злоупотребления правом;
- в) детальное рассмотрение внешних параметров фиксации норм запрещения злоупотребления правом;

г) проведение сравнения норм запрещения злоупотребления правом со связанными правовыми аспектами» [5, с. 62].

Запрет на неправомерное использование права, являющийся ключевым элементом системы правового регулирования, закреплён в качестве обязательной нормы гражданского права. Статья 10 ГК РФ устанавливает этот запрет как фундаментальное ограничение, облакая его в форму обязательного правила. Однако существует мнение, что формулировка этого принципа могла бы быть более ясной и точной. Правовое табу на любые нарушения гражданского права является одним из главных юридических принципов, посредством которого каждой стороне правовых отношений предоставляются равные права и возможности, а также гарантируется добросовестность в реализации прав. Подобные равные условия для всех участников правовых отношений являются основой для регламентации всех гражданских правовых отношений, что также прописано в разных статьях ГК РФ. К примеру, «в ст. 2 ГК РФ прямо говорится, что гражданское законодательство регулирует общественные отношения, основанные на равенстве их участников. Принцип равенства нашёл воплощение и в статьях, закрепляющих равную правоспособность для всех граждан (ст. 17 ГК РФ) и равную правоспособность для всех юридических лиц, соответствующую целям их деятельности (ст. 49 ГК РФ). Особо следует выделить ст. 124 ГК РФ, в которой говорится, что РФ, ее субъекты и муниципальные образования выступают на равных началах с иными субъектами гражданских правоотношений» [6].

Формирование запрещения злоупотребления правом происходит на основании определения основных аспектов равенства всех участников правовых отношений, которые добросовестно осуществляют права и выполняют свои обязанности. Суть исследуемого аспекта перекликается с положением о границах реализации прав. Представляется, что безапелляционное запрещение злоупотребления правом распространяется как на равные права всех участников правовых отношений и на соответствующие положения действующего законодательства, так и на равнозначность всего юридического потенциала, который присутствует в данных правовых отношениях.

Опираясь на описанное определение сути запрета злоупотребления гражданскими правами, нами были разработаны некоторые рекомендации, направленные на повышение эффективности действующего законодательства.

Так, мы предлагаем внести коррективы в п. 1 ст. 1 ГК РФ, которые установят те нормы, посредством которых будет осуществляться запрет

злоупотребления гражданскими правами. Вместе с тем на фоне их оценочной сути можно не прописывать их легальное определение.

Установление корректного соотношения между субъективным и объективным аспектами в рамках принципа недопустимости злоупотребления правом критически важно для достижения желаемого юридического результата в процессе управления социальными взаимодействиями.

Злоупотребление правом относится к распространённому явлению, которое сегодня присутствует в области гражданских отношений, но оно не является тем аспектом, который формируется непосредственно на основании желаний всех сторон гражданских правовых отношений. Вместе с тем нарушения прав формируются на основании пристрастного подхода, соответствующих моделей поведения участников отношений в гражданском правовом поле.

Как было замечено выше, в современном законодательстве нет детальной регламентации установления данного запрета, что и позволяет применять его не совсем юридически правильным образом. Так, в п. 1 ст. 1 ГК РФ не указано, что запрет злоупотребления правом в сфере гражданского права является основополагающим аспектом всей гражданской правовой сферы. Поэтому многие эксперты применяют данный запрет в качестве управляющего фактора, некоего правового инструмента, который можно применять для защиты прав участников правовых отношений [6].

Представляется, что базовые факторы гражданской правовой сферы должны быть зафиксированы в соответствующем законодательстве – Гражданском кодексе РФ. Именно поэтому включение данной нормы в кодекс позволит ее правильно использовать в правоприменительной практике.

В контексте теории гражданского права понятие злоупотребления правом представляет собой комплексный элемент. Оно определяется как основополагающий принцип (в смысле общего правового ограничения) и как граница для реализации субъективных гражданских прав. Это злоупотребление, будучи субъективным правом, обладает единством и целостностью в своей сущности. Тем не менее такая многоаспектность данной юридической концепции не находит полного отражения в правовых нормах, установленных в п. 1 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Злоупотребление правом необходимо рассматривать как комплексное правовое явление:

- во-первых, правовое ограничение как элемент правового регулирования, сформули-

рованное в виде запрета злоупотреблять субъективным гражданским правом. Содержанием данного запрета выступает указание на юридическую недопустимость определенного варианта возможного поведения субъекта правоотношения;

- во-вторых, как своеобразное ограничение субъективного гражданского права. В контексте гражданского права злоупотребление правом определяется как превышение предоставленных законом границ свободы действий. Это происходит, когда лицо, имеющее определенные права, выбирает способ их реализации, который не соответствует общепринятым социальным и юри-

дическим нормам, стремясь удовлетворить свои интересы без учета возможного ущерба для других.

Злоупотребление правом как крайняя мера ограничения личной свободы предполагает, что действия индивида должны соответствовать определенным рамкам, установленным для защиты общественного порядка. Цель такого ограничения не в том, чтобы полностью исключить какие-либо отношения из области гражданского права, а в предотвращении злоупотреблений, которые могут нарушить баланс интересов в обществе.

Список литературы

1. Камышанский В. П., Ветер Н. Ю. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 112 (08). С. 1–21.
2. Токарев В. Б. О понятии «злоупотребление правом» // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. 2020. № 3 (25). С. 64–70.
3. Матвеева Е. Ю. О перечне принципов гражданского права // Закон и власть. 2022. № 3. С. 14–20.
4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 144.
5. Стрельникова С. О. Правовое регулирование злоупотребления правом // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 1. С. 59–64.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Меры прокурорского реагирования на нарушение законодательства при использовании сокращенной формы дознания

© Комиссарова О. А., 2025

О. А. Комиссарова

Магистрант 3-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: komis-sarova0130@gmail.com

Научный руководитель:

Е. В. Шишмарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chaly@bk.ru

Аннотация. Проводится анализ осуществления прокурором надзора за дознанием в сокращенной форме, которая характеризуется ограниченными сроками производства, возможностью использования в качестве доказательств информации, полученной в ходе проверки сообщения о преступлении, усеченным порядком доказывания по данной категории уголовных дел, спецификой принимаемых дознавателем решений. Делается вывод, что, несмотря на ее скоротечность, соблюдение законов также является безусловно обязательным, соответственно, и надзор со стороны прокурора в рамках данной формы чрезвычайно важен.

Ключевые слова: прокурорский надзор, меры прокурорского реагирования, надзор за органами дознания, сокращенная форма дознания.

Исследуя различные аспекты надзорной деятельности прокурора за исполнением закона при производстве дознания в сокращенной форме, необходимо исходить из следующего определения: «дознание в сокращенной форме представляет собой осуществление дознавателем предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному в отношении конкретного лица, по преступлению или преступлениям, указанным в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, на основании ходатайства подозреваемого, признающего вину, характер и размер вреда, причиненного преступлением, не оспаривающего квалификацию деяния, содержащуюся в постановлении о возбуждении уголовного дела, о применении дознания в сокращенной форме при отсутствии обстоятельств, исключающих производство дознания в указанной форме» [3, с. 85; 4, с. 40].

При исследовании данного вопроса необходимо обратиться к положениям Уголовно-процессуального кодекса РФ и приказу Генпрокуратуры России № 11 от 19 января 2022 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [2]. В указанном правовом акте можно найти перечень основных направлений прокурорского надзора за органами, осуществляющими дознание, в том числе в сокращенной форме, а также перечень процессуальных документов, которые выступают ключевыми при реализации надзора за сокращенной формой дознания. К их числу можно отнести:

1. Постановление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме, которое непосредственно выносится дознавателем.

В данном случае проверка прокурором, в ходе которой, соответственно, становится возможным признание постановления незаконным, проводится в связи со следующими обстоятельствами:

1) в случае, если адвокат не подписал ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме (ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ);

2) в случае, если имеют место обстоятельства, которые выступают причиной невозможности использования сокращенной формы дознания, которые не были учтены в соответствии с ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ [6].

Перечислив указанные обстоятельства, важно отметить, что в случае, если прокурор принимает соответствующее решение об отмене постановления дознавателя, то сделать он это может на любом из этапов осуществления такого дознания, вне зависимости от того, имеет ли место начало производства по делу либо уже вынесение обвинительного постановления.

2. Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

В данном случае прокурору необходимо проверить законность действий дознавателя и обоснованность невозможности проведения дознания в сокращенной форме [1, с. 51]. Постановления дознавателя, «являющиеся незаконными и необоснованными, должны быть отменены по решению прокурора. Занимаясь решением вопроса, касающегося отмены постановления об отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме, прокурор должен учитывать, что такое возможно, если окончание дела соот-

ветствует сроку, зафиксированному в ст. 226.6 УПК РФ» [6].

Представляется, что, исходя из содержания п. 29 приказа Генпрокуратуры России № 11 от 19 января 2022 г. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [2], прокурор вправе принимать меры прокурорского реагирования в отношении должностных лиц, по вине которых реализация права гражданина на проведение дознания в сокращенной форме становится невозможной в связи с истечением предусмотренного для данной формы дознания сроком.

В случае, если восстановление нарушенного права подозреваемого на производство дознания в сокращенной форме в связи с истечением срока, предусмотренного законом для завершения дознания в указанной форме, невозможно, реакция прокурора, осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью, должна быть следующей: он не отменяет постановление дознавателя, а инициирует предусмотренное законом привлечение к ответственности виновных должностных лиц. В указанном случае прокурор в качестве меры реагирования должен вынести прокурорское представление, направленное на устранение незаконных действий дознавателя.

3. Постановление о возбуждении уголовного дела.

Установление факта законности и обоснованности постановлений о возбуждении уголовного дела – это задача прокурора, решаемая им во время проведения соответствующей проверки. Производство дознания в сокращенной форме имеет некоторые специфические черты, следовательно, во время вынесения постановления о возбуждении уголовного дела все требования закона должны быть соблюдены неукоснительно.

Ознакомление с данным постановлением прокурора предполагает глубокий анализ действий, совершенных подозреваемым, характера и размера причиненного вреда (ущерба), квалификации деяния и т. д. [1, с. 52]. Если же соответствующее требование не соблюдается, то постановление в итоге может быть отменено по решению прокурора, а материал будет подвергнут дополнительной проверке с учетом прокурорских указаний.

4. Постановление о выделении материалов уголовного дела.

В указанной ситуации, если прокурор в результате осуществления надзорной деятельности находит основания полагать, что дознавателем необоснованно специально создаются условия для производства дознания в сокращенной форме, он обязан запретить выделение материалов по данному делу в отдельное производство.

В указанном случае в качестве актуальной реакции прокурора на выявленные нарушения будут выступать: постановление об отмене постановления дознавателя либо требование об устранении нарушений закона.

5. Постановление дознавателя о продлении сроков производства дознания по соответствующему уголовному делу.

Несмотря на то что сокращенная форма дознания предполагает, что сроки ее проведения должны быть строго ограниченными, положения законодательства позволяют продлить установленные сроки на 20 дней. Это возможно, если соответствующее постановление своевременно поступит прокурору. В соответствии с ч. 2 ст. 226.6 УПК РФ соответствующее постановление должно поступить не позднее чем за 24 ч до истечения срока 15 дней, предназначенных для осуществления производства дознания в сокращенной форме.

При всем при этом закон не определяет типы прокурорских постановлений, которые могут быть вынесены, если прокурор не согласен с мнением дознавателя о сроках дознания по уголовному делу. Таким образом, он может как выносить отдельные постановления, так и давать указания, подлежащие исполнению дознавателями, – нарушением закона это считаться не будет.

6. Обвинительное постановление.

В рамках ознакомления с указанным постановлением, выносимым дознавателем, прокурору необходимо провести проверку вынесенного акта, завершающего данную форму расследования на его соответствие требованиям закона, проанализировать выводы и их соответствие обстоятельствам дела. Пристальное внимание необходимо уделить не только объективной основе позиции стороны обвинения, но и соблюдению гражданского права на защиту, а также имеющимся ходатайствам со стороны защитника, потерпевшего и его представителя.

В том случае, если в рамках вынесения решения по уголовному делу прокурором производится утверждение обвинительного постановления, ему уголовно-процессуальным законом корреспондируется право признавать отдельные доказательства недопустимыми.

Исследование актуальных для прокурора полномочий, реализуемых в рамках надзорной деятельности за исполнением закона за дознанием в сокращенной форме, позволяет сделать вывод о существенных особенностях, характерных для полномочий прокурора в данной сфере. Действия и решения дознавателя незамедлительно оцениваются прокурором в максимально сжатые сроки, а комплекс полномочий прокурора свидетельствует о тесном переплетении функций процессуального руководства и надзо-

ра. Вместе с тем необходимо отметить, что ограниченные рамки производства расследования в данной форме налагают на дознавателя дополнительные трудности при необходимости обжалования прокурорских указаний. Помимо этого, стоит обратить внимание на то, что сокращенная форма дознания предполагает ограниченный срок его производства, что формирует дополнительные трудности для дознавателя, пытающегося обжаловать прокурорские указания в соответствии с ч. 4 ст. 41 УПК РФ.

Говоря об оптимизации процессуальной конструкции описываемого производства, стоит заострить внимание на возможности его осуществления при возложении на прокурора обязанностей по формированию обвинительного постановления.

На самом деле подобные изменения не являются чем-то новым, их демонстрация началась еще ранее. Например, согласно точке зрения А. А. Сумина, прокурор – это государственный

обвинитель, следовательно, его исключительной компетенцией может считаться формулирование обвинения, которое будет представлено суду [5, с. 109].

Стоит предположить, что если у прокурора будет обозначенное право, это позволит обеспечить:

1) повышение требовательности прокурорского надзора к процессу расследования;

2) скорое формулирование обвинения в соответствии с существующими требованиями (прокурор сможет одновременно с этим отстаивать собственную позицию, как государственно-го обвинителя в суде).

Представляется, что обозначенное предложение позволило бы разграничить обязанности, в таком случае дознаватель будет заниматься фактическим установлением обстоятельств, влияющих на формулировку обвинения, а прокурор – их юридической оценкой и составлением текста обвинения.

Список литературы

1. Карташова А. Г., Копылова О. П., Медведева С. В. Прокурорский надзор за дознанием в сокращенной форме // Российский следователь. 2020. № 8. С. 50–55.
2. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генпрокуратуры России от 19 янв. 2022 г. № 11 (в ред. от 22 февр. 2023 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Перякина М. П., Унжакова С. В. Показания как источник доказательств при производстве дознания в сокращенной форме // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1. С. 85–91.
4. Спирин А. В., Журавлева Н. М. Прокурорский надзор за исполнением процессуального законодательства при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3. С. 39–42.
5. Сумин А. А. К вопросу о содержании функций прокурора в стадии предварительного расследования // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2017. № 1. С. 109–111.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25 окт. 2024 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Актуальные вопросы применения статьи 290 УК РФ (получение взятки) по признакам субъективной стороны

© Корольков Д. А., 2025

Д. А. Корольков

Студент 5-го курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, e-mail: dimitrikorolkoff@yandex.ru

Научный руководитель:

В. Н. Шиханов, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, e-mail: bentam@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы применения ст. 290 УК РФ по признакам субъективной стороны. Уделено внимание установлению корыстного мотива при квалификации деяния, толкованию термина «близкие» в контексте применения ст. 290 УК РФ. Проведен анализ судебной практики, связанной с передачей предмета взятки третьим лицам.

Ключевые слова: получение взятки, взятка, субъективная сторона, третьи лица, близкие родственники.

Сегодня при применении ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) существуют некоторые неопределенности при квалификации по признакам субъективной стороны. Данные неопределенности связаны с определением мотива взяткополучателя.

Действительно, на сегодняшний день диспозиция ст. 290 УК РФ не содержит прямого указания на наличие корыстного мотива у взяткополучателя. По смыслу закона корыстный мотив проявляется через положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – ПП ВС РФ № 24), а именно включает в себя: «получение имущества; предоставление имущественных прав; оказание услуг имущественного характера лично должностному лицу либо его родным или близким» [1]. В доктрине уголовного права неоднократно исследовались вопросы правовой природы корыстного мотива в получении взятки. Так, профессор Б. В. Волженкин отмечал: «Мотив и цель данного преступления непосредственно не зафиксированы в тексте уголовного закона, но вытекают из самой природы получения взятки как специального вида корыстного злоупотребления должностными полномочиями и материального характера предмета взяточничества» [2, с. 188]. Вместе с тем О. Х. Качмазов, определяя корыстные цели и мотивы получения взятки, отмечает, что «вывод об их наличии обусловлен самой природой взяточничества как специального вида корыстного злоупотребления должностными полномочиями и материальным характером его предмета» [3, с. 107]. Вопросы доказывания корыстного мотива определяют правильную квалификацию совершенного деяния.

При квалификации преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, определение субъективной стороны имеет проблемный аспект, который выражается в правовой неясности действующего законодательства. С принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» содержание ст. 290 УК РФ было дополнено положениями, определяющими субъективную сторону, а именно «в том числе, когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу» [4]. Вместе с тем п. 23 ПП ВС РФ № 24 предусматривает, что «если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (например, принятие руководителем государственного или муниципального учреждения спонсорской помощи для обеспечения деятельности данного учреждения за совершение им действий по службе в пользу лиц, оказавших такую помощь)» [1]. Таким образом, положения пленума сужают пределы применения ст. 290 УК РФ, поскольку создают условия, при которых отсутствует реальная возможность квалифицировать деяния при отсутствии у взяткополучателя корыстного мотива.

Вместе с тем ранее действующая редакция ПП ВС РФ № 24 от 3 декабря 2013 г. содержала следующие положения: «При наличии к тому

оснований действия должностного лица могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий» [5]. Сегодня такая формулировка была исключена из содержания п. 23 ПП ВС РФ № 24, что вызывает сложности при квалификации получения взятки. В этой связи положения пленума вступают в противоречие с диспозицией ст. 290 УК РФ, создавая неопределенность при определении субъективной стороны, что сказывается на правильной квалификации содеянного.

Практическую значимость представляет вопрос о том, как соотносятся положения ст. 290 и п. 23 ПП ВС РФ № 24 и как складывается судебная практика при квалификации деяния, если взятка была получена не для себя (близких и родных), а в интересах других лиц или взятка передана по указанию должностного лица. Для ответа на данный вопрос прежде всего исследуем, что включается в понятие «близкие».

В действующем ПП ВС РФ № 24 содержится лишь упоминание о «близких» в п. 23, но не раскрыт перечень лиц, входящих в данную категорию. Так, под «близкими», согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – ПП ВС РФ № 14), следует понимать «близких родственников, иных лиц, состоящих с ними в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений» [6]. Рассматриваемый круг лиц относится в том числе к представителям власти.

Кроме того, понятия «близкое родство» и «свойство» отражены в ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», согласно которой получение доходов и иных вознаграждений «родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей» [7] является проявлением личной заинтересованности.

Вместе с тем положения Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» содержание «близких родственников» определяют через родственников по прямой восходящей и нисходящей линии, а именно «родители и дети, дедушки, бабушки и внуки, состоящие в браке» [8].

Из анализа положений законодательства мы видим логическую закономерность отражения в

качестве близких родственников: супруга, родителей, детей, братьев и сестер. По нашему мнению, применительно к ст. 290 УК РФ под понятие «близкие» в большей степени подходят положения ПП ВС РФ № 14.

Однако в области правоприменения нас интересуют вопросы квалификации получения взятки, в том случае, когда взятка передана не взяткополучателю (его близким), а заведомо другим лицам.

Ранее п. 23 ПП ВС РФ № 24 указывал, что в случае, если предмет взятки передается не лично взяткополучателю, а его близким и родственникам, и последние не извлекают из этого выгоды, то в действиях виновного лица содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст. 285, 286 УК РФ. С введением редакции 2019 г. из положений пленума такая формулировка была исключена. В этой связи возникает вопрос, каким образом сегодня складывается судебная практика.

Так, приговором Валуйского районного суда Белгородской области от 27 октября 2020 г. по делу № 1-1/2020 действия К. переqualифицированы со ст. 290 УК РФ на ст. 286 УК РФ. В ходе судебного разбирательства было установлено, «что К. была оказана услуга имущественного характера, выразившаяся в капитальном ремонте его служебного кабинета и приемной, расположенных в здании администрации г. Валуйки силами ООО “Подрядчик” и ООО “СВ-Фасад” и за их счет, однако подсудимый хотя и принял выполненные работы и в последующем продолжал пользоваться служебным кабинетом, в котором были произведены значительные улучшения (выравнивание стен с последующей оклейкой простыми обоями, устройство наливного пола с последующей укладкой ламината, установка двух дверных полотен, оборудование жалюзи), но какой-либо имущественной выгоды лично для себя не извлек и не мог извлечь, ввиду того, что занимал вышеуказанную должность по срочному трудовому контракту, сам кабинет находился в здании районной администрации, являлся муниципальной собственностью, при этом произведенные в кабинете улучшения являлись неотделимыми от него и повлияли только на эстетический вид помещения, а также способствовали созданию в нем комфортных условий для работы, в том числе секретаря» [9].

Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 ноября 2019 г. № 77-25/2019 переqualифицированы действия И. Р. с ч. 6 ст. 290 УК РФ на ч. 1 ст. 285 УК РФ. Так, «И. Р., являясь начальником линейного управления МВД России, получил от А. и Б. материальные ценности в виде канцелярских принадлежностей и оргтехники, за совершение заведомо незаконных действий в пользу взяткодателей путем дачи соответствующих указаний подчиненным ему сотрудникам по принятию мер, направленных на

выявление и пресечение незаконной деятельности А. по организации нелегальных пассажирских перевозок в районе. Из показаний В., Г., Д., З. И. Р. всегда обеспечивал ОУ МВД различной компьютерной, копировально-множительной техникой, предметами офисной мебели, канцелярскими принадлежностями, которые раздавал подчиненным для использования в служебных целях, передавал наличными денежные средства руководителям подразделений линейного управления, сотрудники которых испытывали потребность в приобретении различной офисной техники, канцелярских товаров, в ремонте служебных помещений, автомобилей и их заправке. Действия И. Р. по получению от А. и Б. материальных ценностей в виде канцелярских принадлежностей и оргтехники на общую сумму 200 000 рублей, а также денежных средств в общей сумме 1 800 000 рублей, совершенные с целью обеспечения деятельности возглавляемого им линейного управления МВД России следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по ч. 1 ст. 285 УК РФ» [10].

В указанных примерах судами обоснованно сделан вывод об отсутствии доказанности у подсудимых корыстного мотива, направленного на извлечение какой-либо имущественной выгоды для себя, своих родных и близких.

Вместе с тем актуальным вопросом при квалификации получения взятки является момент, при котором должностное лицо не получает взятку лично, а дает указание на передачу предмета иным физическим или юридическим лицам. Рассмотрим данную ситуацию на практическом примере. Так, «сотрудник подмосковного

УЭБиПК получил взятку в размере одного миллиона рублей, а за остальными пятью отправил жену. Когда женщина получила деньги (большинство купюр были муляжами), ее задержали сотрудники ФСБ России» [11]. В данном случае вторая часть взятки была передана жене полицейского. Очевидно, что взяткополучателем были даны указания по передаче предмета взятки ей. Важно отметить, что такая квалификация по ст. 290 УК РФ возможна только в том случае, если должностное лицо имеет аффилированную связь с такими лицами. Например, мэр города просит передать предмет взятки строительной компании, которая осуществляет ремонт загородного участка мэра, а директором строительной компании является жена мэра. В обратном случае, если аффилированная связь взяткополучателя с иным лицом отсутствует, квалификации по ст. 290 УК РФ невозможна.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что после введения редакции в ПП ВС РФ № 24 от 24 декабря 2019 г. судебная практика складывается однозначно. При отсутствии корыстного мотива у взяткополучателя, суды квалифицируют содеянное как злоупотребление или превышение должностных полномочий. А в случаях, когда взятка получена должностным лицом, в том числе по его указанию передать предмет взятки иному лицу, содеянное квалифицируется по ст. 290 УК РФ с обязательным условием наличия аффилированности между взяткополучателем и иными лицами, которым взятка передается.

Список литературы

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 558 с.
3. Качмазов О. Х. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву. Владикавказ : Ирстон, 2000. 214 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. URL: <https://rg.ru/documents/2013/07/17/verhovny-sud-dok.html> (дата обращения: 15.11.2024).
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
8. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
9. Приговор Валуйского районного суда Белгородской области № 1-1/2020 1-168/2019 от 27 октября 2020 г. по делу № 1-1/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fdlACVYcWDNJ/> (дата обращения: 15.11.2024).
10. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2019 № 77-25/2019 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=267#XsrseRUSFWf4jHNz1> (дата обращения: 15.11.2024).
11. Российский полицейский послал жену на BMW за взяткой и попался ФСБ // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2020/10/08/badpolice/> (дата обращения: 15.11.2024).

Проблемы правовой регламентации и систематизации актов прокурорского реагирования в сфере надзора за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие

© Макаренко Е. К., 2025

Е. К. Макаренко

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: elizavetkamorjo@gmail.com

Научный руководитель:

Е. В. Шишмарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chalv@bk.ru

Аннотация. Анализируются особенности правовой регламентации и систематизации актов прокурорского реагирования в сфере надзора за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие. Рассматривается вопрос разграничения таких актов реагирования, как представление, требование и информация. Предлагается поставить возможность внесения представлений и информации в зависимость от ранее внесенного требования, а также законодательно закрепить общую характеристику всех видов актов прокурорского реагирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: акты прокурорского реагирования, представление, требование, информация об устранении нарушений.

В контексте усиления надзорно-контролирующих функций прокуратуры, посыпки которого были заложены еще при перераспределении функций между органами прокуратуры и Следственным комитетом РФ в 2007 г. [1, с. 126], немаловажным остается вопрос о возможности прокурора реагировать на нарушения законодательства, допускаемые в процессуальной деятельности органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие.

Часто в правовом пространстве можно услышать словосочетание «акты прокурорского реагирования», однако легальное толкование данного понятия в нормативных правовых актах РФ отсутствует. В юридической литературе высказываются различные мнения по поводу трактовки указанной категории, а также входящих в ее состав элементов.

Так, в юридической энциклопедии под редакцией Академии Генеральной прокуратуры РФ акт прокурорского реагирования толкуется как «решение прокурора, закрепленное в специальном документе, с помощью которого он реагирует на выявленные вследствие применения правовых средств надзора правонарушения» [2, с. 21].

В определении, сформулированном Ю. А. Авагимовой, можно выделить два аспекта. Во-первых, акт прокурорского реагирования определяется как определенное специфическое правовое средство реагирования на выявленное в ходе деятельности прокурора нарушение закона, предусмотренное законодательством, регулирующим деятельность прокурора. Во-вторых, по мнению автора, акт реагирования по

своей сущности представляет собой полномочие прокурора, выраженное в письменной форме, носящее юрисдикционный характер, выносимое определенными в законе должностными лицами органов прокуратуры, отвечающее требованиям законности, обоснованности и справедливости [3, с. 66].

Т. А. Брагина в своем труде ссылается на проект новой редакции Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому под актом прокурорского реагирования следует понимать официальный документ, который выносит Генеральный прокурор РФ, его заместитель, прокурор субъекта РФ, приравненный к нему прокурор, прокурор города, района и приравненный к нему прокурор, их заместители, а в установленных законами случаях – другие прокуроры с целью реализации своих полномочий по предупреждению и устранению нарушений закона [4, с. 181]. Следует отметить, что недостаток данного определения в том, что оно практически не раскрывает специфических признаков рассматриваемой дефиниции, а лишь приводит перечень должностных лиц, уполномоченных выносить рассматриваемые акты.

А. Я. Сухарев трактует понятие «акт прокурорского реагирования» как предусмотренное федеральным законом правовое средство реализации полномочий прокуратуры, используемых прокурором в соответствии со своей иерархической компетенцией в целях установления нарушений или несоблюдения Конституции РФ и федеральных законов, прав и свобод человека и

гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, проверки этих нарушений и принятия мер к восстановлению нарушений законности [5, с. 19–20]. Справедливо отметить, что данное определение содержит наиболее существенные признаки рассматриваемой дефиниции, в связи с чем будет использовано в качестве базового в рамках настоящей статьи.

В третьем разделе Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [6] (далее – ФЗ «О прокуратуре») для каждого направления прокурорского надзора определены конкретные виды актов реагирования, среди которых следует выделить протест, представление, требование, постановление и предостережение. Однако для сферы надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, виды актов не указываются, дается лишь отсылка к уголовно-процессуальному законодательству.

Необходимо отметить, что в данной работе будут подлежать рассмотрению только акты, применяемые при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ [7] (далее – УПК РФ) прямо упоминаются такие акты прокурорского реагирования, как требование и постановление. Постановления прокурора выносятся по различным вопросам, прямо предусмотренным в УПК РФ (к примеру, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214, ч. 6 ст. 148 и др.). Внесение требований об устранении нарушений федерального законодательства основывается на п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, хотя указанная норма не называет требование в качестве конкретного официального документа. Буквальное толкование данного положения не подразумевает даже обязательную письменную форму его вынесения, хотя в практической деятельности требование представляет собой самостоятельный письменный акт, который подлежит ведомственному учету.

Помимо предусмотренных УПК РФ требований и постановлений при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования прокурорские работники применяют такие акты реагирования, как представление и информация об устранении нарушений закона. В ст. 5 УПК РФ содержится определение понятия «представление» как способ реагирования на судебное решение. Представления вносятся в порядке ст. 24 ФЗ «О прокуратуре» и содержат требование об устранении нарушений федерального законодательства. В научных трудах часто указывается

на то, что представление отграничивается от требования, вносимого в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, характером выявленных нарушений: они должны носить либо систематический характер, либо это может быть одно, но очень серьезное нарушение [8, с. 43–44]. Требование же, в свою очередь, предполагает устранение конкретного единичного нарушения закона. При этом нет единства мнений по поводу того, какое количество нарушений следует считать систематическим или насколько серьезным должно быть единичное нарушение, чтобы для его устранения следовало бы вносить представление, нежели требование.

Согласно иному подходу, требование и представление можно разграничить в зависимости от того, нарушения в какой отрасли законодательства необходимо устранить поднадзорным органам. При направлении требования делается ссылка на п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и ставится вопрос об устранении нарушений только уголовно-процессуального законодательства. Внесение представления предполагает наличие нарушений одновременно нескольких отраслей законодательства и ссылку на ст. 24 ФЗ «О прокуратуре» (в качестве основания внесения).

Стоит отметить, что если порядок внесения и рассмотрения требований, представлений и постановлений регламентирован как в федеральном законодательстве, так и в ведомственных правовых актах органов прокуратуры, то информации об устранении нарушений закона абсолютно не уделено внимание. Кроме того, данный акт реагирования не является предметом исследования в научных трудах.

В соответствии с п. 16 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен осуществлять иные полномочия, к которым вполне можно отнести внесение представлений и информации об устранении нарушений закона. Однако данное предположение не раскрывает особенностей порядка внесения информации как акта прокурорского реагирования.

В рамках уголовно-правовой статистики органов прокуратуры представления и информации об устранении нарушений подлежат совместному учету по формам НСиД и ПМ. Необходимо отметить, что согласно приказу Генеральной прокуратуры РФ от 9 марта 2022 г. № 134 «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета “Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства по форме НСиД и Инструкции по его формированию» в качестве акта прокурорского реагирования рассматриваются лишь информации, носящие характер представлений, внесенных прокурором в соответствующие органы, осуществляющие предварительное рас-

следование, по вопросам нарушения уголовно-процессуального законодательства, а также соблюдения законных требований прокурора. В рамках данного положения понятия «информации» и «представления» отождествляются. В связи с этим возникает вопрос о рациональности существования такого акта реагирования, как информация, поскольку по всем признакам она лишь подменяет собой представление. Какие-либо критерии для их разграничения в нормативных актах отсутствуют.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что применение такого акта прокурорского реагирования, как информация, было сформировано в ходе осуществления практической деятельности органов прокуратуры. Включение данного акта реагирования в статистический отчет наряду с представлением свидетельствует о его значимости в надзорной деятельности. Однако необходимо урегулировать порядок внесения информации и ее отличительные особенности на нормативном уровне.

Еще одной отличительной чертой требований об устранении нарушений, вносимых в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, от представлений и информации является их срочный характер. Срок рассмотрения требований в соответствии с ч. 4 ст. 39 УПК РФ составляет 5 суток, тогда как для предоставления ответа по доводам представления или информации сотрудникам правоохранительных органов дается месячный срок. На основании этого возможно разграничение вышеуказанных актов по критерию возможности оперативного устранения выявленных нарушений.

Следует констатировать, что поводы и порядок вынесения постановлений в качестве актов прокурорского реагирования подробно регламентированы УПК РФ и не вызывают вопросов, тогда как основания для выбора требования, представления или информации при реагировании на выявленные нарушения законодательства предоставляют повод задуматься. В каких случаях необходимо внести тот или иной акт, не всегда очевидно.

В соответствии с приказом Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [9] (далее – Приказ № 544) «прокуроры должны каждое полугодие обобщать и анализировать состояние прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, в том числе результаты рассмотрения требований прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, эффективность прокурорского реагирования. Использовать полномочия по внесению представлений и информированию руководи-

телей следственного органа о состоянии законности и выявляемых нарушениях, если они носят систематический характер и их устранение требует принятия организационных мер, а также рассмотрения вопросов дисциплинарного воздействия в отношении нарушителей».

Данное положение можно истолковать следующим образом. Первичным актом реагирования выступают требования, которые подразумевают наиболее оперативное устранение выявленных нарушений, тогда как представления и информации должны вноситься лишь по результатам анализа и обобщения результатов рассмотрения требований и их эффективности. При этом в практической деятельности органов прокуратуры внесение представлений и информации не ставится в зависимость от ранее внесенных требований.

Помимо количества внесенных актов реагирования, в ведомственных отчетах прокуратуры по формам НСид и ПМ отражается число сотрудников правоохранительных органов, должностных лиц Следственного комитета РФ, наказанных в дисциплинарном порядке по представлениям, информации, иным актам прокурорского реагирования, в которых указывается на допущенные нарушения уголовно-процессуального законодательства и необходимость принятия мер к их устранению. Следует отметить, что в Приказе № 544 о возможности дисциплинарного воздействия на нарушителей упоминается лишь в абзаце, посвященном представлениям и информации, тогда как в практической деятельности подлежат учету в том числе сотрудники, наказанные по результатам рассмотрения требований.

Поскольку наказание «виновных» можно отнести к одной из ключевых целей внесения актов прокурорского реагирования, вполне рациональным бы было их разграничение в зависимости от степени наказуемости. В ином случае эффективность их внесения ставится под сомнение. К примеру, несколько месяцев подряд вносятся требования об устранении какого-либо вида «однородного» нарушения, по результатам рассмотрения которых одному и тому же виновному сотруднику каждый месяц выносятся устные замечания. При внесении представления или информации об устранении этого же, уже бывшего «систематичным», нарушения у поднадзорных органов не предусмотрено обязанности ужесточить наказание, в связи с чем снова может быть вынесено устное замечание, последствия которого, вероятно, безразличны для нарушителя, поскольку ранее это не привело к недопущению новых нарушений. В данном случае очевидно, что вносимые меры и оказываемое дисциплинарное воздействие являются неэффективными.

Предлагается, взяв за основу положения Приказа № 544, поставить возможность внесения представлений и информации в зависимость от ранее внесенного требования. И кроме того, предусмотреть в качестве последствий их внесения применение более строгого вида наказаний. При этом в случаях выявления нарушений, не предполагающих возможность их устранения при помощи требований, сохранить полномочие по внесению представления или информации в качестве первоначального акта реагирования.

Таковы основные моменты разграничения актов прокурорского реагирования в сфере надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Помимо этого, необходимо отметить, что некоторые специалисты выделяют в качестве актов реагирования утверждение (обвинительного заключения/акта) и указания (обязательные для дознавателей). С этим трудно согласиться, поскольку утверждение, по своей сути, представляет собой лишь резолюцию, которую либо получают, либо

нет. Указания же, в свою очередь, подразумевают предложения, нежели выводы. Основное назначение данных категорий состоит не в устранении нарушений закона, в связи с чем они не могут рассматриваться в качестве актов прокурорского реагирования в той трактовке, которая была принята в качестве базовой в рамках настоящего исследования.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что, в отличие от «общего надзора», акты прокурорского реагирования в сфере надзора за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, не систематизированы и не регламентированы достаточным образом, что является существенным недостатком правового регулирования. Предлагается дать общую характеристику всех видов актов в УПК РФ, включая в том числе ссылку на природу «представления» в интерпретации ФЗ «О прокуратуре», а также критерии для разграничения представлений и информации об устранении нарушений закона.

Список литературы

1. Андриянов В. Н. Новые направления деятельности Прокуратуры России в современных условиях: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2(57). С. 125–128.
2. JUS EST: Юридическая энциклопедия. / Акад. Генеральной прокуратуры РФ ; под общ. ред. О. С. Капинус. М. : Буки Веди, 2017. Т. 3. 177 с.
3. Авагимова Ю.А. Понятие акта прокурорского реагирования через его сущность // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2 (13). С. 64–66.
4. Брагина Т. А. Акты прокурорского реагирования на нарушения закона в процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия // Молодой ученый. 2019. № 44. С. 180–185.
5. Прокурорский надзор : учебник для вузов / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2009. 480 с.
6. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 24 июля 2023 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
8. Богданов С. В. Требования прокурора при осуществлении процессуального надзора и его отличия от представления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-2. С. 42–45.
9. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 сент. 2021 г. № 544. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17092021-n-544-ob-organizatsii/> (дата обращения: 15.11.2024)

Империя как форма государства: современные подходы к пониманию

© Волков К. А., Мишура И. Б., 2025

К. А. Волков

Студент 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: dreamshock99@gmail.com

И. Б. Мишура

Студент 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Ivan.mishura@yandex.ru

Научный руководитель:

И. В. Ганусенко, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: constkaf@lawinstitut.ru

Аннотация. Анализируются понятие, признаки и виды империи как теоретико-правовой категории и их историческое развитие на примере конкретных государств. Исследованы доктринальные толкования учеными-юристами данного правового явления в соотношении с понятием формы государства и его элементов. Сделаны выводы о возможности практического применения выявленных общих признаков понятия империи в отношении существующих государств на современном этапе.

Ключевые слова: государство, империя, форма государства, форма государственного устройства, цивилизация.

В настоящее время научное сообщество так и не пришло к единому мнению по вопросу об определении сущности и содержания понятия «империя». В связи с этим полагаем необходимым установить его значение, исходя из существующих научных подходов современных ученых.

По мнению А. П. Скорика и А. А. Невеселова, империю следует рассматривать как форму государственного устройства, не предусматривающую деления территории государства на самостоятельные административные единицы и допускающую наличие частей общего государства только в статусе провинций, создаваемых по смешанному национально-территориальному признаку, с назначаемой сверху администрацией, функционирующих в режиме их жесткого подчинения центральной власти с «подверстыванием (подминанием)» интересов каждого проживающего этнического сообщества общегосударственному центру, в том числе, ради формирования суперэтнуса [1, с. 18].

С точки зрения Н. И. Грачева, империя есть «...высшее состояние государства, имеющего идеократичный характер, выступающего политико-правовой формой локальной цивилизации, сочетающего в своей территориальной организации различные принципы государственного устройства (децентрализацию, автономию, федерализм, конфедерализм) при стойкой тенденции к унитаризму, использующего не прямые способы контроля по отношению к входящим в его состав этнополитическим образованиям и основанного на безусловном духовно-идеологическом авторитете верховной имперской власти» [2, с. 27].

В. В. Шишков считает, что «...империя – это особая форма государства, включающая в себя две основные трактовки. В соответствии с одной, империю характеризует, прежде всего, диктаторская власть центра по отношению к периферии, а имперский центр осуществляет политическое и военное подавление периферии, поддерживающий такой порядок вещей за счет ее ресурсов и эксплуатации. В соответствии с другой трактовкой, империя – это идеократия, и такое государство, в котором идея (в современную эпоху – идеология) имеет определяющее значение для политических действий» [3, с. 25–26].

Другой ученый, С. И. Каспэ, полагает, что «...империя – это действительно нечто очень большое, и буквально (в физическом пространстве), и, главное, символически (в пространстве представлений). Государство может быть и большим, и малым; маленькая империя – всегда нонсенс. То есть империя может уменьшиться под ударами врагов, сжаться, как в свое время сжималась Византия под ударами с Востока, но в идеале империя остается большой, даже безграничной, потому что она стремится к бесконечности... Однако в плане реальной политики такое стремление никогда не осуществляется, и поэтому формирует специфическую картину мира» [4, с. 40–42].

Как отмечают Ч. С. Кирвель и О. Ч. Кирвель, империя представляет собой «...государственное образование, в рамках которого объединено множество этносов, народов, у которых есть (были) собственная культура, национальная идентичность, а также отдельная территория» [5, с. 27–28].

Анализируя указанные подходы к пониманию империи, можно сделать вывод о том, что империя представляет собой сложное явление и дать ей достаточно полное и единое определение, которое бы описывало все ее характеристики, вряд ли может быть возможным.

Вместе с тем полагаем необходимым выделить ряд общих черт из этих определений.

Во-первых, все исследованные определения рассматривают империю как форму государственного устройства, но с особенностями в структуре организации власти и взаимоотношениях между центром и периферией.

Во-вторых, в определениях присутствует идея жесткого контроля со стороны центральной власти.

В-третьих, в определении многих авторов выделяется идеологическая доминация, где идеология играет одну из важнейших ролей в организации политической власти.

В-четвертых, жесткое подчинение этнотерриториальных единиц центральной власти.

Рассмотрим признаки империи, которые дают эти авторы. А. П. Скорик и А. А. Невеселов считают, что «...во-первых, формирование и существование империи так или иначе будет связано с подавлением социального протеста, или, по крайней мере, жесткого урегулирования совокупности противоречий и интересов со стороны имперского центра на имперском пространстве, а, во-вторых, распространение влияния империи далеко за пределы национальных границ» [1, с. 17–18].

Профессор И. Н. Грачев приводит следующие признаки империи как формы государства: «Во-первых, империя есть государство во всех смыслах этого слова, имеющее много общего с другими формами государства. Она обладает всеми его элементами и признаками. В своем внешнем аспекте империя имеет свою территорию, над которой осуществляет суверенитет, что дает возможность отграничить сферу ее властвования от сферы власти других государств и противостоять им.

Во-вторых, империя часто выступает как государственно-территориальная форма локальной цивилизации, представляющей собой исторический организм, то есть такую общность наций и народов, которая занимает определенный географический ареал, имеет общую историю, традиции, организацию быта, менталитет, социально-нравственные ценности и установки, образ жизни и, тем самым, принадлежит к единой исторически сложившейся культуре и в ней существует.

В-третьих, империя – это всегда государство с большой территорией.

В-четвертых, территориальное пространство империи является неодинаковым, неоднородным как по своим этнокультурным, социально-экономическим свойствам, так и по политико-правовым качествам и статусным характеристикам входящих в него территориальных частей.

В-пятых, суверенный центр империи, воплощенный в имперских политических институтах, территориально и антисоциально образует автономную единицу со своим особым статусом, обладающую гегемонией или доминирующую в ней при реализации имперской власти и управления» [2, с. 21–24].

В. В. Шишков соглашается с выводами С. И. Каспэ, по мнению которого «...идеальный тип империи можно описать через сочетание трех отличительных особенностей империи: 1) это действительно нечто очень большое, и буквально (в физическом пространстве), и, главное, символически (в пространстве представлений); 2) это нечто неоднородное, прежде всего просто потому, что большое пространство, вероятнее всего, окажется и неоднородным; 3) империя, включая величину и неоднородность, – это универсальное явление, так как она предназначена для всех и для всех открыта, легитимизирует свое существование универсальными ценностями и воплощает их в политический порядок» [4, с. 40–41].

Заслуживает внимания вывод С. И. Каспэ о том, что в указанном смысле «...империи убегают от определенности, ускользают от аналитического взгляда, стремящегося зафиксировать их сущность, и попытки дать исчерпывающее описание имперского кода, который был бы применим ко всем случаям имперотворчества, пока провалились» [4, с. 42].

Таким образом, анализируя подходы данных ученых, можно выделить следующие общие признаки империи: 1) империя обладает большой территорией; 2) империям присуще подавление социальных протестов и жесткое урегулирование противоречий со стороны имперского центра; 4) империи характеризуются неоднородностью ввиду наличия большого количества этносов.

Исходя из этого, полагаем, что все определения и признаки дают основание рассматривать империю как *форму государственного устройства*, но с особенностями в структуре организации власти и взаимоотношениях между центром и периферией.

Следует отметить, что современные подходы в области теории государства и права по вопросу о разновидности империй встречаются только в работах Ч. С. Кирвель и О. Ч. Кирвель, которые предлагают подразделять империи на колониальные морские и традиционные территори-

альные. Первые, по мнению авторов, сочетают в себе национальное государство-метрополию и бесправную эксплуатируемую периферию (например, Великобритания), чтобы «...замаскировать явно грабительский характер метрополии по отношению к народам колоний, империи создавали миф о цивилизаторской миссии белого человека». Хотя, как отмечают ученые, «...надолго остановить такую борьбу колонизированных народов за свои права и национальное освобождение этот миф не мог» [5, с. 28].

Свои выводы о разновидности империй авторы обосновывают тем, что «...в территориальных империях границы между имперским центром и периферией четко не выражены. Все отношения здесь строятся в границах одной территории, не разделенной большими пространствами (океанами, горами, пустынями и т. д.). Центр и периферия могут меняться, перетекать друг в друга. В этих империях эксплуатация населения метрополией может осуществляться даже намного жестче, чем осуществляется эксплуатация населения имперских окраин. Такие территориально протяженные империи, как, например, Российская, Османская, Австро-Венгерская империи, не имели четко очерченных границ внутри своего пространства. Благодаря этому миграционные процессы на имперской территории неизбежно вели к формированию смешанного состава населения, развитию высоко интегрированной экономики, накоплению исторического опыта взаимодействия и культурного обмена» [5, с. 28].

Думается, что классификация разновидностей империи, предложенная указанными авторами, на наш взгляд, верна и может быть взята за основу для дальнейшего настоящего исследования.

С целью выявления практического применения и действия установленных признаков империи, особый интерес представляет собой анализ исторических этапов развития имперских государств в мире. В этой связи наиболее характерны этапы развития для самых территориально больших по площади империй, существовавших в истории цивилизаций, а именно: Монгольской, Российской и Британской империи.

Так, например, государственный строй Монгольской империи был тесно связан с военными потребностями и опирался на традиционную иерархию кочевого общества. В ее основу были положены принципы родоплеменного быта: вожди возглавляли род, несколько родов объединялись в племя, племена, племенные союзы и т. д.

Система управления носила авторитарный аристократический характер и была неотделима от военной иерархии, строившейся на основе десятичной системы. Роды и племена в зависи-

мости от их численности в случае войн, которые велись практически непрерывно, выставляли конные десятки, сотни, тысячи и т. д. Военно-территориальными начальниками были ханы, царевицы, беки, нойоны, багатуры.

Во главе крупных улусов, как правило, стояли Чингизиды – родственники Чингисхана. На ступень ниже Чингизидов стояли нойоны, главы знатных монгольских родов, которые управляли племенами и составляли сословие монгольской знати. Нойоны занимали крупные чиновничьи посты и были военачальниками.

Законодательство империи базировалось на «Великом Ясе» – основных нормах, принятых Чингисханом, а также на ясах канов и улусных ханов. Монгольские законы были суровыми: наказание смертью ожидало человека даже за незначительные преступления.

Для Монгольской империи характерны основные признаки империи, выявленные в работах вышеуказанных авторов:

1. В период своего расцвета Монгольская империя занимала достаточно обширную территорию, площадь которой состояла из 38 млн кв. км и включала территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточной Европы, Ближнего Востока, Китая и Тибета.

2. Практически на протяжении всей истории существования Монгольской империи наблюдался процесс подавления социальных протестов и жесткое урегулирование противоречий со стороны имперского центра. При этом показательно Тверское восстание против Чолхана (Щелкана), произошедшее 15 августа 1327 г. Это было первое крупное восстание русских против монголо-татарского ига. Ответом на восстание стала карательная «Федорчукова рать», организованная зимой 1327–1328 гг. ханом Узбеком. В результате похода полнейшему опустошению подверглись Тверь, Кашин, другие города Тверского княжества [6].

3. Неоднородность этнического состава Монгольского государства, так как в его составе находились представители большого количества различных народов. При этом Монгольская империя, будучи в самом расцвете самой большой империей в истории, существенно повлияла на объединение крупных регионов, некоторые из которых, например Россия и Китай, остаются едины и по сей день [7].

Вместе с тем все присущие признаки в Монгольской империи указывают на ее определение как формы государственного устройства, но с особенностями в структуре организации власти и взаимоотношениях между центром и периферией. Особо характерен для анализа период захвата монгольским государством Руси, которая обязывалась уплачивать дань монголам. При

этом Великому князю Московского княжества во время татаро-монгольского ига на Руси был предоставлен статус налогового коллектора для монголов. При этом московские князья собирали дань и налоги для монголов, в то время как сами монголы в русских землях бывали редко.

Таким образом, монгольское государство по сущности системы организации публичной власти структурно, территориально и методам управления, действительно, являлось империей.

В свою очередь, в Российской империи государственный строй был самодержавно-бюрократическим. Император был главой государства и возглавлял огромный государственный аппарат. В его руках была сосредоточена вся власть: законодательная, судебная и исполнительная.

С 1711 г. при императоре действовал высший совещательный орган – Сенат, которому в 1726 г. были вменены также функции надзора за деятельностью государственных органов. Возглавлял Сенат генерал-прокурор.

Исполнительная власть осуществлялась через коллегии – аналоги министерств. 8 сентября 1802 г. в соответствии с Манифестом «Об учреждении министерств» вместо коллегий было создано восемь министерств: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, внутренних дел, иностранных дел, финансов, коммерции, народного просвещения и юстиции.

Территория страны делилась на 48 наместничеств, две губернии, одну область, а также земли донских и черноморских казаков. Их территории, в свою очередь, подразделялись на уезды. Наместники и все органы власти в регионах назначались императором.

Анализируя аналогичным способом действующие признаки имперского государства применительно к Российской империи, полагаем возможным выделить следующие:

1. Обширность занимаемой территории. Так, Российская империя в период своего могущества в 1895 г. достигала 22,8 млн км².

2. Подавление социальных протестов и жесткое урегулирование противоречий со стороны имперского центра. Например, восстание в Чечне 1860–1861 гг., которое произошло по причине политики насильственных массовых переселений коренного населения, осуществляемых царской администрацией. Эта политика привела к взрыву народного возмущения, подавленного в результате боевых действий.

3. Неоднородность этнического состава в Российском государстве, представленного многочисленными этносами, такими как русские («великороссы»), украинцы («малороссы»), белорусы, татары, евреи, казахи, и многими другими,

в том числе и относительно малочисленными поляками, финнами и др.

Все указанные признаки государственности в Российской империи характеризуют ее как особую форму государства, но с особенностями в структуре организации власти и взаимоотношениях между центром и периферией. При этом в Российской империи отсутствовал единый механизм управления имперской территорией, в результате чего применялись разные модели административного устройства и органов управления для основной части (центрального управления) и окраин (управление с элементами автономии). Так, например, в 1811 г. к Великому княжеству Финляндскому была присоединена Выборгская губерния. Во главе местных административных учреждений был поставлен Правительствующий совет, преобразованный в 1816 г. в Императорский финляндский Сенат.

Исходя из этого, полагаем, что Российскому государству, в действительности, были присущи все признаки империи как формы государства в целом.

И еще одна империя для анализа – Британская империя, государственный строй которой характеризуется парламентарной монархической формой правления. Государственная власть в Британской империи осуществлялась на основе принципа разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти были подчинены парламенту и премьер-министру Британской империи. Носителями суверенитета и единственными источниками власти в Британской империи были монарх и премьер-министр. Народ осуществлял свою власть непосредственно, а также через органы государственного самоуправления. Колонии разделялись на самостоятельные, получившие от метрополии самоуправление, и «коронные», управляемые губернаторами, назначаемыми от метрополии.

Среди основных признаков Британской империи можно выделить следующие:

1) обширность территории, когда на пике своего могущества в 1921 г. Британская империя занимала площадь 36,6 млн км²;

2) подавление социальных протестов и жесткое урегулирование противоречий со стороны имперского центра. Особенно характеризует такой признак восстание сипаев в 1857–1859 гг.; восстание индийских солдат против колониальной политики англичан в 1857–1859 гг. В этот же период 8 июля 1859 г. на территории Индии был провозглашен мир и начались расправы над повстанцами, при этом зачастую пытали и убивали невинных;

3) неоднородность этнического состава, когда население Британской империи было разделено на белых людей, также называемых европейцами, и небелых людей, по-разному называемых цветными, неграми и туземцами. Крупнейшей этнической группой в Британской империи были индийцы, включая нынешних пакистанцев и бангладешцев.

Таким образом, для Британской империи как имперского государства в целом была характерна особая форма государственного устройства с имеющейся спецификой в структуре организации власти и взаимоотношениях между центром и периферией. При этом в «белых» колониях (Австралия, Южная Африка, Канада) действовала косвенная система управления: поселенцы имели автономию во всех сферах, за исключением судебной. С середины XIX в. таким колониям стали предоставлять право формировать собственные органы управления (парламент и правительство).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что империя как форма государства всегда подразумевает наличие следующих признаков: 1) большая территория; 2) централизованная власть, обладающая особенностями в структуре организации власти и взаимоотношениях с периферией; 3) жесткое подавление государством любых социальных протестов. Однако, исходя из исторического анализа, важно отметить, что соотношение этих признаков между собой может варьироваться, например во взаимоотношениях со своими колониями.

Далее предпримем попытку выявления существования государств-империй в современный период, проведя сравнительное исследование наличия указанных признаков у четырех государств, наиболее влиятельных на политической арене, таких как Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Китайская Народная Республика.

В частности, самую большую территорию среди всех современных государств в настоящий период занимает Российская Федерация, имея площадь 17 098 246 км².

Вместе с тем для современной России характерно отсутствие какого-либо жесткого урегулирования национальных противоречий, проводятся референдумы и выборы. Обширность занимаемой территории предопределяет проживание на ней большого количества различных этносов и народностей. В российской Конституции предусмотрена процедура отставки главы государства, что не предусматривалось законодательством Российской империи.

Таким образом, Российская Федерация по данному признаку не относится к имперскому государству, так как является демократическим

государством с федеративной формой территориального устройства, в котором есть автономные округа, края и области, а также прочие административно-территориальные единицы, которые, согласно Конституции России, являются равноправными субъектами, чего не было во времена Российской империи.

Для США также характерна обширность занимаемой территории, они занимают четвертое место в мире по территории. Это вторая по величине страна Северной Америки, общая площадь которой составляет 9 833 517 км².

По системе организации публичной власти в США отдельные штаты обладают достаточно большой самостоятельностью и могут применять меры подавления протестов самостоятельно, не согласовывая это со столицей – Вашингтоном. В этом можно усмотреть в США наличие признака имперского государства, так как страна изначально основана переселенцами из разных стран со смешением с местным населением от коренных жителей Америки (индейцев) до англичан и французов, которые переезжали сюда в поисках лучшей жизни. Однако взаимоотношения между штатами и Вашингтоном основаны на том, что столица выделена в отдельный федеральный округ и не относится ни к одному штату. Это позволяет решать многие проблемы и разногласия, так как общая столица выступает связующим звеном для штатов, которые автономны и конкурируют между собой. Кроме того, такое решение помогает удерживать баланс в политической системе и не допускать перевеса в одну или другую сторону.

Великобритания занимает сейчас очень маленькую территориальную площадь, которая составляет всего 242,4 тыс. км², поэтому, безусловно, нельзя говорить о ее обширности. С 1945 г. Британская империя начала распадаться и предоставлять независимость своим колониям. Однако в настоящий период Великобритании досталось колониальное наследие в виде Содружества наций из бывших ее колоний. По данным на 2024 г., в состав Содружества наций входят 56 государств. И если сложить их площадь, то мы увидим, что их общая площадь составляет 29 958 050 км². При этом, даже если не считать все бывшие колонии Великобритании, то это современное государство все равно остается достаточно многонациональным, включая в себя шотландцев, британцев и ирландцев. Вместе с тем Великобритания по системе организации публичной власти имеет свои особенности, так как до сих пор в Канаде признается главой государства король Великобритании, как и в Австралии аналогичным образом, где глава государства тоже является английским монархом.

Рассматривая наличие признаков имперского государства в современном Китае, следует также констатировать, что это государство занимает достаточно обширную территорию, занимая третье место в мире по своей площади, составляющей 9 598 962 км². Крупных социальных противоречий в современном Китае не наблюдалось, и, соответственно, жесткого их подавления не было. При этом большинство населения составляют китайцы, а другие этносы, конечно, присутствуют, но относятся к национальным меньшинствам. Несмотря на то что Китай является унитарным государством после комплексной фискальной реформы 1994 г., основная часть налоговых поступлений направляется в центр, который взамен начал субсидировать регионы с помощью компенсационных и целевых трансфертов, чего обычно не происходит в империях.

Таким образом, полагаем, что современные государства, такие как Российская Федерация, США, Китай и Великобритания, лишь частично обладают характеристиками имперского государства. Например, Россия и Китай имеют большие территории, но их политические системы далеки от классической имперской модели. Великобритания сохраняет связи с бывшими колониями через Содружество наций, а США отличаются децентрализацией.

Итак, можно сделать вывод о том, что современные научные подходы при определении понятия «империя» и ее признаков в доктринальном толковании различны, до сих пор не выработана единая концепция, так как история развития имперских государств в мире отражает их историческое наследие и уникальные пути развития каждого государства.

Список литературы

1. Скорик А. П., Невеселов А. А. Империя как форма государства: концепт и российский дискурс // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 15–28.
2. Грачев Н. И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского университета. Серия 5, Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 18–28.
3. Шишков В. В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: Проблемы интерпретации // Polis. Political Studies. 2018. № 4. Р. 22–36.
4. Каспэ С. И. Империя как политическая форма: актуальность теории // Модерные империи и их значение для современности. Аналитический доклад / под ред. Миллер А. И. М., 2020. С. 35–56. URL: https://centero.ru/wp-content/uploads/2020/02/Doklad3_Rus-Internet-2_res.pdf (дата обращения: 10.12.2024).
5. Кирвель Ч. С., Кирвелб О. Ч. Имперское государственное правление как фактор социальной науки // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023. № 3. С. 26–41.
6. Монгольские княжества и изменения на политической карте. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/mongolskaya-imperiya-i-izmenenie-politicheskoy-karty-mira> (дата обращения: 10.12.2024).
7. Монгольская империя // Большая энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/mongol-skaia-imperiia-13870a> (дата обращения: 10.12.2024).

Административно-правовой спор в сфере оборота электроэнергии, возникший при осуществлении майнинга цифровой валюты, и способы его разрешения

© Назаров Н. С., 2025

Н. С. Назаров

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: nazarov.nikit@mail.ru

Научный руководитель:

В. В. Яковлев, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: vicedu@law.isu.ru

Аннотация. Рассматривается правовая природа административно-правовых споров в сфере оборота электроэнергии, возникших при осуществлении майнинга цифровой валюты. Определяются возможные способы разрешения таких административно-правовых споров. Проанализировано развитие законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: административно-правовой спор, майнинг цифровой валюты, оборот электроэнергии, способы разрешения спора.

Сфера деятельности, связанная с генерацией криптовалют, развивается постоянно и стремительно. В Российской Федерации мощности промышленного майнинга составляют 2,5 ГВт [1]. По состоянию на 2024 г., Россия занимает седьмое место по внедрению криптовалют в мире. Таким образом, еще большую актуальность приобретает изучение вопроса правовой природы майнинга в системе общественных отношений, связанных с административно-правовыми спорами лиц и органов власти.

В настоящее время законодатель не может охарактеризовать такую правовую категорию, как административно-правовой спор. Однако изучение опубликованных работ деятелей научной сферы позволяет выделить несколько подходов к определению юридической природы и механизма возникновения административно-правового спора. Среди них истинным и наиболее полноценно объясняющим существо административно-правового спора считается конфликтный подход [2, с. 54]. Так, спор представляет собой разновидность правового конфликта, выражающегося в разногласиях относительно объема прав и обязанностей, предположительном или действительном нарушении, а также в создании помех в осуществлении прав, исполнении обязанностей и правомерности применения мер ответственности.

Характерность данного спора заключается в юридической коллизии, возникающей в сфере управления [3, с. 7], между представителями государства и иными субъектами конфликта [4, с. 490], вызванной конфликтом интересов, несовпадением взглядов на законность и обоснованность [5, с. 40] как правового акта, так и властного действия или бездействия, а также

решения в отношении субъекта правоотношения (выражающееся в применении нормы права, определяющей поведение, права и обязанности при участии в административно-правовых правоотношениях; организационных действиях как самих органов, так и лиц, наделенных государственно-властными управленческими полномочиями).

Представляется, что майнинг цифровой валюты как административно-правовой спор характеризуется структурной комплексностью. Иными словами, юридический конфликт может возникнуть одновременно в нескольких сферах: 1) организационной (вопросы, связанные с возможностью осуществлять данный вид деятельности только после включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты (справедливо для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), а также касающиеся права, обязанности или самой возможности зарегистрироваться в качестве самозанятого); 2) налоговой (порядок и размер взимания обязательных, индивидуально безвозмездных платежей); 3) энергетической (коллизии права, возникающие начиная с порядка технологического присоединения, выбора правильного тарифа на электрическую энергию, возможности запрета осуществления такой деятельности на конкретных территориях и заканчивая лимитами энергопотребления); 4) финансовой (порядок ведения и содержание отчетности; контроль и надзор уполномоченных органов власти).

Вопрос законодательного закрепления понятия майнинга цифровой валюты и качественного регулирования данной деятельности начал разрешаться совсем недавно. Так, в Федеральном законе «О внесении изменений в отдельные за-

конодательные акты Российской Федерации» [6] было сформулировано понятие майнинга цифровой валюты. Ввиду указанной ранее комплексности исследуемая тема нуждается в выработке специфичного определения административно-правового спора, позволяющего отразить индивидуальные черты.

Представляется, что значимость исследуемой темы напрямую зависит от существующих и возникающих проблем.

В энергетической системе такими являются: 1) энергетически затратная деятельность субъектов, в результате которой обеспечение удовлетворения потребностей экономики и общества ставится под реальную угрозу; 2) порождаемая высокой энергозатратностью необходимость предъявления повышенных требований к объектам электросетевого хозяйства; 3) установление специфических цен и тарифов ввиду потребности обеспечивать уровень необходимой системной надежности; 4) бездоговорное, а зачастую безучетное, потребление электрической энергии, например: использование льготных тарифов для населения и приравненных к ним потребителей (таким был резонансный случай, когда в Баяндаевском районе Иркутской области физическое лицо за четыре месяца потребило в 713 раз больше электроэнергии (1 609,8 МВт/ч), чем сходное домохозяйство [7]); 5) особенности технологического присоединения (сюда относятся особенности учета сведений о таком присоединении, существенные условия договора, техническая возможность, категория надежности электроснабжения и др.).

Проблемами в правовой сфере, которые порождают различные юридические споры, в том числе и административно-правовые, являются отсутствие четкой характеристики юридического статуса лиц, осуществляющих майнинговую деятельность; невозможность должным образом защищать права, свободы и законные интересы (как своих, так и иных лиц).

Перечислим признаки административно-правовых споров в сфере оборота электроэнергии, возникающих при осуществлении майнинга цифровой валюты:

1) одной из сторон спора является наделенный властными полномочиями орган государственного управления или его должностное лицо. В настоящий момент такими являются федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный энергетический надзор ст. 23.30 КоАП РФ [8] (например, при самовольном подключении к электрическим сетям и безучетном использовании электрической энергии), Правительство Российской Федерации (в случае запрета осуществления майнинга цифровой валюты) и

иные, наделенные отдельными государственными полномочиями субъекты;

2) спор возникает в рамках административных отношений;

3) предметом спора является правомерность или законность акта, решения, действия (бездействия);

4) затрагиваются интересы участников энергетической сферы: как самих лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты (в качестве потребителей электрической энергии и мощности), так и остальных субъектов электроэнергетики (в случае несоблюдения норм права в процессе осуществления своей деятельности);

5) возникновение юридического конфликта осуществляется на основании несогласия с законностью и обоснованностью действий (бездействия), а также актов исполнительного органа или его должностного лица (т. е. использования прав и исполнения обязанностей уполномоченного субъекта).

Таким образом, можно сказать, что административно-правовой спор в сфере оборота электроэнергии, возникающий при осуществлении майнинга цифровой валюты, представляет собой разновидность юридического конфликта, который возникает между субъектом (объединением субъектов), осуществляющим потребление электроэнергии, и субъектом, обладающим властными полномочиями.

Стандартным стремлением сторон в любом споре является отстоять свою правоту, защитить или предотвратить в будущем нарушение своих прав, свобод и интересов.

Наиболее эффективным [9, с. 25] средством и механизмом защиты прав, свобод и законных интересов является суд. Такой способ имеет следующие особенности: 1) равенство, в процессуальном смысле, сторон (ст. 19 Конституции РФ [10]); 2) полномочием осуществлять правосудие наделены только суды (ст. 118 Конституции РФ); 3) по общему правилу рассмотрение происходит гласно (ст. 123 Конституции РФ); 4) исход дела напрямую зависит от участия и доводов сторон в споре (состязательность) (ст. 123 Конституции РФ); 5) уполномоченные рассматривать спор судьи обязаны быть независимыми и объективными (ст. 120 Конституции РФ).

Говоря о судебном порядке разрешения административно-правового спора в сфере оборота электроэнергии, возникшего при осуществлении майнинга цифровой валюты, возможно выделить: 1) Верховный Суд РФ (например, в случае оспаривания запрета осуществлять майнинг цифровой валюты в отдельных субъектах Российской Федерации или на отдельных их территориях (ст. 26 Федерального закона «Об электроэнергетике» [11], ст. 2 Федерального конститу-

ционного закона «О Верховном Суде» [12]); 2) суды общей юрисдикции (разрешающие спор о привлечении к административной ответственности в сфере электроэнергетики (ст. 7.19 КоАП РФ) и других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений с применением КАС РФ); 3) арбитражный суд (в случае оспаривания ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов, организаций, наделенных властными полномочиями в рамках гл. 24 АПК РФ [13]).

При этом принципиальным является факт приобретения судебным решением силы закона.

Административно-правовой спор в сфере оборота электроэнергии также возможно разрешить путем направления обращения в форме жалобы или заявления непосредственно в орган или должностному лицу (административно-правовой способ). Сущность обжалования выражается в реализации лицом гарантированного в ст. 33 Конституции РФ права на обращение в компетентные органы в целях разрешения конфликта, устранения возможных нарушений и предотвращения грядущих правонарушений. Реализация права на обжалование осуществляется посредством предъявления заявителем жалобы (с указанием необходимых структурных элементов и сведений в целях своевременного ее рассмотрения) и дальнейших действий с его стороны и со стороны компетентного лица при рассмотрении и разрешении спора.

Частным примером реализации такого права является обжалование решения ФНС России об отказе во внесении в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты.

При обращении в форме заявления лицо, помимо прочего, вправе сообщить о нарушении нормативных правовых актов, недостатках в работе органов власти и их должностных лиц либо критиковать их деятельность. Однако данные нарушения не связаны с совершением (или отказом в совершении) в отношении конкретного субъекта действий, вынесением решений и актов. В заявлении не содержатся пути и способы разрешения проблемы. А отсутствие возможности должного контроля о принятых мерах ставит вопрос его эффективности.

Представляется, что иные способы разрешения споров (например, переговоры, медиация) не подходят, не разрешают юридический конфликт по существу (например, Уполномоченный по правам предпринимателей Иркутской области [14]) и являются неприменимыми для разрешения административно-правовых споров в сфере оборота электроэнергии, возникших при осуществлении майнинга цифровой валюты по существу, однако не исключается, что они

могут дополнять указанные ранее процессы (способы) разрешения спора.

Одним из условий возникновения административно-правового спора, позволяющего сложиться и существовать обстановке, при которой этот юридический конфликт вообще возник, выступает внешнее условие в виде несовершенства, коллизии или вовсе отсутствия законодательного регулирования сферы права. Другими словами, в случае устранения данной проблемы законодатель разрешает большую часть споров, в том числе административно-правовых, поскольку создает ситуацию, при которой они не возникнут вовсе.

Так, весной 2024 г. Арбитражный суд Иркутской области был вынужден отметить отсутствие законодательной базы, регулирующей отношения, связанные с майнингом криптовалюты: «...в настоящее время майнинг находится вне правового поля, а значит, однозначно относить осуществление такой деятельности исключительно к предпринимательской не имеется правовых оснований» [15].

Законодатель озабочился разрешением данной проблемы еще в 2018 г. [16], однако механизм регулирования майнинга цифровой валюты вступил в силу лишь летом 2024 г.

Изменения законодательства [6; 17], связанные с оборотом электроэнергии, позволяют Правительству РФ:

1) определять процедуру и особенности технологического присоединения (включая возможность ограничить), установить особенности учета сведений о таком присоединении в отношении энергопринимающих устройств (их максимальной мощности, прогнозом потребления электроэнергии и мощности), используемых в целях осуществления майнинга цифровой валюты;

2) на основании предложения Правительственной комиссии по вопросам развития электроэнергетики запрещать (при наличии существующего, прогнозируемого дефицита электрической энергии (или) и мощности, либо отнесения к территориям технологически необходимой генерации, либо при обращении высшего должностного лица субъекта, председателя высшего исполнительного органа субъекта РФ [18]) осуществлять такую деятельность в отдельных субъектах РФ или на отдельных их территориях;

3) устанавливать особенность введения частичного, полного (а также бессрочного полного) ограничения режима потребления электрической энергии в отношении лиц, не включенных в реестр или использующих энергопринимающие устройства, находящиеся на территориях, где запрещено осуществлять майнинг цифровой валюты;

4) устанавливать лимиты энергопотребления при осуществлении этой деятельности;

5) определять случаи исключения из специального реестра.

Устанавливаются следующие требования в отношении оборота электроэнергии к лицам, осуществляющим майнинг цифровой валюты:

1) в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц – должны соблюдать запрет соответствующей деятельности в субъекте РФ или на отдельной их территории, быть внесенными в специальный реестр (в случае если их личным законом является российское право), соблюдать запрет совмещать с иной деятельностью (деятельность по купле-продаже, производству, передаче электрической энергии, а также по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике);

2) в отношении физических лиц – энергопринимающие устройства гражданина РФ не превышают лимиты энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты. При превышении потребления 6 МВт/ч в месяц [19] (количество энергии, необходимое, в зависимости от криптовалюты, для функционирования 48 видеокарт) лицо обязано зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица и обратиться в ФНС России с целью внесения в реестр.

Реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, был внесен в перечень требований, связанных с оборотом электроэнергии, не случайно. Уместность предполагается ввиду того, что возможность легально осуществлять майнинг цифровой валюты ставится в прямую зависимость от превышения лимитов энергопотребления. Интересно, что полномочиями по ведению реестра изначально было наделено Минцифры РФ (в настоящее время ФНС России осуществляет данную деятельность), но впоследствии были внесены изменения [17].

Отдельный интерес вызывает проблема деления энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты от энергопотреб-

ления для бытовых нужд, поскольку превышение лимитов потребления энергии возлагает обязанность на физическое лицо обратиться в целях включения его в реестр, а также дает повод для изменения параметров технологического присоединения. Вероятным решением может стать деятельность по сбору, анализу и оценке всего диапазона электропотребления (и мощности) с выделением типичных объемов такого потребления, однако критическим минусом выступает вероятность ошибиться в случае нетипичного потребления энергии в бытовых нуждах.

Вступившие в силу новейшие нормы права, регламентирующие майнинг цифровой валюты, направлены на создание правовой основы регулирования существующих правоотношений, предоставляют шанс легально осуществлять данную деятельность, обеспечивают возможность контроля уполномоченными органами, а также сбор и оценку данных в целях разработки и установления эффективных мер регулирования (которые позволяют разрешить образовавшиеся проблемы).

Деятельность в области майнинга цифровой валюты вполне может быть реализована через аспекты саморегулирования (в той части, в которой законодатель бессилён) [20, с. 145–146]. В случае, если использование саморегуляции по-считают эффективным и установят обязанность вступать в саморегулируемые организации в качестве одного из требований к возможности осуществлять данную деятельность, то в таком случае возможно говорить о расширении списка субъектов, наделенных властными полномочиями (в результате чего перечень сторон административно-правового спора будет расширен).

Установленные в законе возможности разрешения таких административно-правовых споров в совокупности со вступившими в силу законодательными инновациями теперь позволяют правильно разрешить спор и эффективно защитить свои права, свободы и законные интересы разными способами.

Список литературы

1. АПМ оценила налоговый потенциал майнинга в 50 млрд рублей в год после 2025 года // ТАСС : информ. агентство России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19798113> (дата обращения: 13.11.2024)
2. Зайцев И. М. Сущность хозяйственных споров. Саратов, 1974. 157 с.
3. Хаманева Н. Ю. Административно-правовые споры: проблемы и способы их разрешения // Государство и право. 2006. № 11. С. 5–13.
4. Стариков Ю. Н. Курс общего административного права: Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция. Т. 2. М., 2002. 585 с.
5. Лупарев Е. Б. Административно-правовые споры : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2004. 40 с.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 221-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Решение Баяндаевского районного суда от 19 апреля 2022 года по делу 2-22/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://bayandaevsky--uso.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=335440348&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 11.11.2024).

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 14.10.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
9. Чалых Я. С. Роль суда и прокуратуры в защите конституционных прав и свобод граждан // ExLegis: правовые исследования. 2023. № 3. С. 24–26.
10. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. на 4 окт. 2022 г.) // Гарант : справочная правовая система.
11. Об электроэнергетике : федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
12. О Верховном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 5 февр. 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 14.07.2022) // Гарант : справочная правовая система.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система
14. О внесении изменений в Закон Иркутской области «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Иркутской области» : закон Иркутской области от 5 июля 2023 г. № 96-ОЗ // Гарант : справочная правовая система.
15. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 1 марта 2024 г. по делу № А19-28610/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/86f5cc3f-6034-4cf5-b024-bf6c7bb5140e> (дата обращения: 12.11.2024).
16. Проект федерального закона № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/373645-7> (дата обращения: 13.11.2024).
17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 25.10.2024 № 349-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
18. Об утверждении Правил установления запрета на осуществление майнинга цифровой валюты (в том числе участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах Российской Федерации или на отдельных их территориях : постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2024 г. № 1468 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
19. Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты (в том числе участия в майнинг-пуле) без включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, физическими лицами – гражданами Российской Федерации, не являющимися индивидуальными предпринимателями, и о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178 : постановление Правительства РФ от 1 нояб. 2024 г. № 1469 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
20. Майнинг и право: состояние и перспективы правового регулирования майнинга цифровых финансовых активов : монография / Р. Ю. Колобов, А. Н. Огородов, М. Г. Тирских, Р. Ю. Хертуев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 145–155.

Признаки экстраординарных сделок в корпоративных отношениях

© Прокопьева К. С., 2025

К. С. Прокопьева

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: prokopyeva26ks@mail.ru

Научный руководитель:

О. В. Горбач, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: nir@law.isu.ru

Аннотация. Исследуются экстраординарные сделки в корпоративных отношениях, их правовая квалификация и особенности регулирования. Выделены ключевые признаки экстраординарных сделок, включая аффилированность субъектов, несоответствие законодательству, отсутствие экономической целесообразности, использование недостоверной информации и нарушение стандартных временных рамок. Основное внимание уделено судебной практике и ее роли в разграничении экстраординарных сделок и обычной хозяйственной деятельности. Предложены рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования для повышения прозрачности, справедливости и защиты интересов всех участников корпоративных отношений.

Ключевые слова: экстраординарные сделки, корпоративные отношения, судебная практика, законодательное регулирование.

Анализ признаков экстраординарных сделок с практической точки зрения необходим для решения вопроса о возможности признания их недействительными, с учетом иных условий, установленных законодательством. При юридической квалификации экстраординарных сделок правоприменителями должна быть четко определена их правомерность и цель. Актуальность исследования связана с многочисленной практикой анализа сделок должника, совершенных в преддверии банкротства или в процедурах банкротства, а также с оценкой правомерности совершения корпорациями крупных сделок, сделок с заинтересованностью. Вопрос о совершении экстраординарных сделок с целью получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды в данном исследовании рассматриваться не будет, так как имеет особую специфику.

Формирование института экстраординарных сделок как самостоятельного правового явления обусловлено сложным взаимодействием разнообразных и зачастую противоречивых интересов, присущих экономическим отношениям. Взаимодействие корпораций с широким кругом заинтересованных сторон, включая акционеров, кредиторов и регуляторов, указывает на необходимость создания четких правовых механизмов для регулирования значимых и нестандартных сделок. Такие сделки существенно влияют на корпоративное управление, финансовую устойчивость и доверие участников, что требует их законодательного признания и регулирования [13, с. 61]. Отступление экстраординарных сделок от привычной хозяйственной деятельности требует более строгого процедурного контроля,

который призван защитить корпоративных участников и минимизировать конфликты.

Развитие гражданского законодательства в области экстраординарных сделок иллюстрирует адаптивность правовых систем к новым вызовам. В последние десятилетия, особенно в юрисдикциях с активно развивающимися корпоративными секторами, реформы законодательства нацелены на устранение неопределенностей и ликвидацию пробелов, которые ранее оставляли участников уязвимыми перед злоупотреблениями. Так, в 2017 г. был проведен значительный пересмотр норм, регулирующих экстраординарные сделки [1]. Данные изменения уточнили процедурные требования, повысили прозрачность и усилили защиту миноритарных акционеров.

Юридическое определение и требования к экстраординарным сделкам отчетливо отделяют их от повседневных корпоративных операций. Одной из ключевых характеристик таких сделок является необходимость их согласования или одобрения коллегиальными органами управления, такими как советы директоров, или собственниками через общие собрания акционеров. Данный процедурный барьер гарантирует, что решения с существенными финансовыми или стратегическими последствиями проходят более тщательную проверку. В отличие от обычных сделок, которые входят в рамки повседневной деятельности, экстраординарные часто связаны с существенными изменениями в активах, обязательствах или стратегическом курсе компании [9, с. 96]. Таким образом, их правовое оформление направлено на обеспечение широкой вовлеченности и подотчетности, что согласуется с принципами справедливости и должной осмотрительности.

Присущие экстраординарным сделкам риски подчеркивают их ключевую роль в системе корпоративного управления. Подобные сделки могут подвергать участников финансовым, операционным и репутационным угрозам, особенно в условиях расхождения интересов внутри компании. Приоритеты акционеров, кредиторов и менеджмента могут вступать в противоречие, создавая риски конфликтов или даже судебных разбирательств. Это делает нормативное регулирование таких сделок важным элементом минимизации данных угроз через установление требований к раскрытию информации, обязательных процедур одобрения и механизмов разрешения споров.

Классификация сделки как экстраординарной зависит не только от ее юридического определения, но и от организационно-управленческой структуры корпорации. В компаниях с упрощенными моделями управления, например во внутренней организации с ограниченным числом уровней принятия решений, вероятность классификации сделок как экстраординарных снижена. Напротив, в сложных корпоративных структурах, включающих множество уровней управления и разнообразные формы собственности, вероятность конфликтов и конкурирующих интересов возрастает, что расширяет перечень сделок, требующих повышенного контроля.

Разграничение экстраординарной и обычной хозяйственной деятельности получает дополнительное разъяснение через судебную практику. В соответствии с п. 14 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 обычными считаются сделки, соответствующие исторической практике и условиям деятельности должника [2]. Данное определение предлагает функциональный критерий для выделения экстраординарных сделок, акцентируя их отклонение от установленных бизнес-практик. Опираясь на исторические модели, суды стремятся сохранить стабильность корпоративных операций, одновременно обеспечивая ясность в идентификации сделок, требующих дополнительного контроля.

Презумпция совершения сделки в целях суда также играет важную роль в разграничении сделок. Пленум Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 установил, что все сделки считаются входящими в рамки обычной деятельности, если не доказано обратное [3]. Такая презумпция упрощает юридические процедуры, снижая бремя доказательства для сторон, стремящихся подтвердить законность сделок.

Разработка критериев для разграничения типичных и нетипичных действий в российском праве отражает процесс совершенствования правовой системы, направленный на адаптацию к

усложняющимся моделям поведения в юридической и корпоративной сферах. Современное российское законодательство делает акцент на установлении стандартов поведения, отклонение от которых может указывать на недобросовестность, злоупотребление правами или иные нарушения [11, с. 165].

Экстраординарные сделки в корпоративном праве отличаются своим отклонением от повседневной хозяйственной деятельности, нередко выходя за рамки установленных законодательством норм или регламентов, закрепленных в уставах компаний [10, с. 160]. Данные сделки подлежат особому правовому регулированию, чтобы их осуществление соответствовало принципам справедливости, прозрачности и защиты интересов заинтересованных сторон. Их экстраординарность обычно определяется через правовые акты или корпоративные документы, которые устанавливают конкретные пороги или критерии, требующие усиленного контроля или дополнительных процедур одобрения. Формирование отдельного правового режима для таких сделок позволяет учитывать их повышенные риски для корпоративной стабильности и интересов участников [12, с. 66]. Экстраординарные сделки зачастую имеют значительные стратегические или финансовые последствия, что обуславливает необходимость их особого регулирования для обеспечения защиты корпоративной среды.

Экономическая обоснованность выступает ключевым критерием при оценке корпоративных сделок, подчеркивая их вклад в устойчивость и стабильность наряду с их финансовой выгодой. В условиях ограниченности ресурсов и экономической нестабильности данный критерий подчеркивает соотношение корпоративных решений с долгосрочной жизнеспособностью компании. Сделки, не соответствующие критериям экономической обоснованности, могут подрывать устойчивость бизнеса и квалифицироваться как экстраординарные из-за их несоответствия принципам рациональной экономической деятельности.

Судебная практика предоставляет наглядные примеры экстраординарных сделок, характеризующихся отклонением от законных или экономически рациональных стандартов. Так, в одном из дел 2022 г. (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа № Ф04-3239/2021 по делу № А45-43029/2019 [8]) кредитные соглашения использовались с целью извлечения прибыли для ограниченного круга участников, при этом обходились законные процедуры. Это отклонение от типичных корпоративных практик и использование сделки в корыстных целях квалифицировало ее как экстраординарную. В другом деле 2021 г. (постановление

Арбитражного суда Дальневосточного округа № Ф03-5682/2021 по делу № А73-059/2015 [5]) продажа недвижимости по заниженной стоимости с отсрочкой платежа использовалась для сокрытия активов от взыскания. Данные примеры иллюстрируют, как экстраординарные сделки часто сопряжены с нарушениями, подрывающими экономическую рациональность и правовые нормы.

Незаконный вывод активов был выявлен также и при анализе последствий агентского договора, договоров подряда, заключенных между аффилированными лицами (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18 апреля 2022 г. № Ф03-1188/2022 по делу № А59-7420/2019 [7]). Передача должником полномочий по предоставлению коммунальных услуг при наличии задолженности перед ресурсоснабжающими организациями фактически означала передачу актива (дебиторской задолженности потребителей коммунальных услуг) аффилированному лицу во избежание поступления денежных средств от населения на расчетный счет должника, на который наложен арест. По мнению суда, должник самостоятельно, с использованием собственных трудовых ресурсов, осуществлял деятельность по обслуживанию многоквартирных домов, реальность оказания услуг иным лицом не доказана. Экономическая целесообразность и выгода для должника отсутствовали, целью заключения сделок являлось уклонение от погашения задолженности перед кредиторами.

Явление вывода активов и искусственного создания задолженности представляет собой важный показатель экстраординарных сделок, часто свидетельствующий о намерении уклониться от удовлетворения требований кредиторов или манипулировать финансовыми операциями в обход законных целей. Подобные практики включают обременение имущества должника или использование несостоятельных лиц в качестве поручителей или залогодателей, создавая сложные юридические и финансовые схемы, которые затрудняют установление реального владельца или обязательного субъекта. Такие действия часто попадают под действие ст. 10 и п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса РФ, регулирующих злоупотребление правом и недействительность притворных сделок. Например, в деле № А51-29670/2016 [4] суд установил, что искусственное создание задолженности использовалось с целью укрытия активов от кредиторов. Классифицируя такие сделки как экстраординарные, правовая система подчеркивает их отклонение от нормальных хозяйственных практик и их угрозу законным правам кредиторов,

что подчеркивает необходимость строгого судебного контроля в корпоративном управлении.

Нарушение прав кредиторов в рамках договоров оказания услуг также может служить примером экстраординарных сделок, особенно если оно связано со значительными задержками платежей или выборочным удовлетворением требований в подозрительные периоды. Так, в деле № А81-11060/2018 пятимесячная задержка платежей по договору оказания услуг привела к тому, что суд признал сделку экстраординарной, сославшись на ее негативное влияние на других кредиторов [6]. Постановление подчеркивает, что выборочное исполнение обязательств, особенно в условиях финансового кризиса, нарушает принцип равноправного отношения к кредиторам. Подобные дела демонстрируют, что экстраординарные сделки возникают не только из-за характера самой сделки, но и в результате ее контекста, времени заключения и последствий, что усиливает значение правового надзора в обеспечении справедливого подхода к защите прав кредиторов.

Оценка обычных сделок зачастую зависит от индивидуальных особенностей хозяйственной модели и деловой практики должника. Судебные органы признают, что сделка, считающаяся обычной для одной компании, может быть экстраординарной для другой, в зависимости от специфики ее деятельности. Например, в деле № А70-1842/2018 Арбитражный суд Западно-Сибирского округа признал 33 банковские операции, выполненные незадолго до отзыва лицензии банка, частью его обычной хозяйственной деятельности, так как они соответствовали системной практике должника [6]. Данный случай демонстрирует, что суды опираются на контекстуальный анализ при разграничении обычных и экстраординарных сделок, подчеркивая необходимость всестороннего изучения бизнес-моделей для вынесения обоснованных решений.

Определение экстраординарного характера сделки требует комплексного анализа правовых и экономических отношений, в рамках которых она осуществляется. Такой анализ включает оценку объективности и достоверности обстоятельств сделки, намерений ее сторон, экономической обоснованности и соответствия ее историческим хозяйственным практикам субъекта. Комплексный подход позволяет принимать решения, основанные не только на формальных критериях, но и на содержательных аспектах сделки и ее последствий. Данный методологический подход согласуется с принципом, согласно которому экстраординарные сделки следует рассматривать не изолированно, а в контексте взаимосвязей и практик, характеризующих корпоративное поведение.

Итак, проведенное исследование экстраординарных сделок в корпоративных отношениях позволило выявить ключевые признаки, отличающие такие сделки от стандартной хозяйственной деятельности. Особое внимание было уделено их правовой квалификации и влиянию на корпоративное управление. Экстраординарные сделки характеризуются рядом факторов, включая аффилированность субъектов, несоответствие законодательству, отсутствие экономической целесообразности, использование недостоверной информации и нарушение стандартных временных рамок. Указанные особенности требуют особого внимания со стороны правоприменителей, так как они могут быть связаны с потенциальными нарушениями прав акционеров, кредиторов и других заинтересованных сторон.

Анализ судебной практики подтвердил, что экстраординарные сделки часто сопряжены с рисками для финансовой стабильности компаний, включая незаконный вывод активов, сокрытие долгов и манипуляции с обязательствами. Установленные критерии для их квалификации, такие как количество операций, их систематичность и экономическая целесообразность, играют ключевую роль в обеспечении прозрачности и справедливости корпоративного управления. Решение данных проблем требует дальнейшего совершенствования нормативного регулирования, включая унификацию подходов к раскрытию информации, обязательному внутреннему одобрению сделок и введению санкций за манипуляции.

Список литературы

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля.
2. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3.
3. Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.
4. Постановление Пятого Арбитражного апелляционного суда от 22.10.2019 по делу № А51-29670/2016. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 20.11.2024).
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.11.2021 № Ф03-5682/2021 по делу № А73-059/2015. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.11.2024).
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.12.2022 г. № Ф04-6495/2019 по делу № А81-11060/2018. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.11.2024).
7. Постановление арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.04.2022 № Ф03-1188/2022 по делу № А59-7420/2019. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.11.2024).
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.12.2022 № Ф04-3239/2021 по делу № А45-43029/2019. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.11.2024).
9. Бичурина Е. В. О некоторых особенностях международных экстраординарных сделок // Закон и право. 2024. № 7. С. 94–97.
10. Климович А. В. Проблема применения качественного критерия при оспаривании крупной сделки хозяйственного общества // Гражданский кодекс Российской Федерации: 25 лет действия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2019. С. 159–166.
11. Сулова С. И. О понимании нетипичности в гражданском праве // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. Иркутск, 2021. С. 162–167.
12. Шевчук С. С., Мельникова М. П. Сделки с недвижимостью в корпоративном праве // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 4. С. 64–68.
13. Шиткина И. С. Сделки хозяйственных обществ, требующие корпоративного согласования. М. : Статут, 2020. 380 с.

Проблемы злоупотребления процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве

© Середкина С. Е., 2025

С. Е. Середкина

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: seredkinaswet@yandex.ru

Научный руководитель:

Т. Л. Курас, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Аннотация. Исследуется проблема злоупотребления процессуальными правами. Анализируется существующая правоприменительная практика, касающаяся такого вида злоупотреблений, как подача необоснованных или аналогичных уже приобщенным к делу ходатайств. Рассматриваются правовые последствия подобных действий, предлагаются меры по совершенствованию законодательства для обеспечения справедливости арбитражного процесса.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальным правом, недобросовестность, затягивание судебного процесса.

Актуальность решения вопроса противодействия злоупотреблениям процессуальными правами связана с достаточно частым проявлением подобных форм поведения, существующей проблемой квалификации подобного деяния в процессе судебного разбирательства и незавершенностью разработки средств эффективной борьбы с процессуальными злоупотреблениями.

Одним из самых распространенных видов злоупотребления процессуальными правами является подача необоснованных или аналогичных уже приобщенным к делу ходатайств. Зачастую участники судебного процесса, заявляя о реализации своих процессуальных прав, на самом деле преследует иную цель, а именно затягивание дела. Подобные ухищрения, используемые недобросовестными лицами, обоснованы желанием уклониться от тщательного анализа сути дела судом, стремлением одной из сторон получить незаслуженное материальное или процессуальное преимущество в ущерб оппоненту. Это приводит к нарушению разумных сроков рассмотрения дела в арбитражном суде, создает дополнительную нагрузку на судебные органы, негативно сказывается на законных интересах противоположной стороны, а также в целом подрывает авторитет и доверие к судебной власти.

Одной из основных проблем является отсутствие однозначного понимания категории «злоупотребление процессуальными правами». По нашему мнению, убедительными являются аргументы ученых, которые интерпретируют злоупотребление правом как специфический вид правонарушений. Так, А. В. Юдин предлагает следующее определение: злоупотребление процессуальными правами – «это особая форма

гражданского процессуального правонарушения, то есть умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие за собой применение мер гражданской процессуальной ответственности» [1, с. 540].

Российское законодательство не содержит нормы, которая включает подробное описание понятия злоупотребления. Но институт злоупотребления процессуальным правом регламентирован посредством закрепления в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее – АПК РФ) общих норм, устанавливающих принцип добросовестности, предусматривающих последствия злоупотребления процессуальными правами.

Часть 1 ст. 41 АПК РФ содержит перечень процессуальных прав лиц, участвующих в деле [2]. Лица, участвующие в деле, вправе реализовывать свои общие процессуальные права, закрепленные в ст. 41 АПК РФ, или не делать этого [3, с. 71]. В свою очередь, реализацию перечисленных процессуальных прав законодатель рассматривает через призму понятия «добросовестность». Часть 2 ст. 41 АПК РФ гласит, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими

в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные АПК РФ неблагоприятные последствия. В свою очередь, ст. 111 АПК РФ раскрывает предусмотренные законодателем неблагоприятные последствия и перечисляет случаи отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами. Часть 5 ст. 159 АПК РФ включает право суда отказать в удовлетворении заявления или ходатайства лица, злоупотребляющего правами.

Рассмотрим некоторые примеры практики арбитражных судов.

Обратимся к постановлению Третьего арбитражного апелляционного суда от 2 сентября 2019 г. по делу № А69-1723/2018. Государственное бюджетное учреждение Республики Тыва «Управление капитального строительства» (далее – истец) обратилось в Арбитражный суд Республики Тыва с иском к обществу с ограниченной ответственностью «НСК-Град» (далее – ответчик) о признании недействительным договора подряда, применении последствий недействительности сделки путем взыскания перечисленной денежной суммы. В период с 3 октября 2018 г. до 22 апреля 2019 г. истец и ответчик заявляли ходатайства о переносе судебного заседания в связи с подготовкой и заключением мирового соглашения. Участники процесса шесть раз заявляли ходатайства о переносе судебного заседания, тем самым затягивая судебный процесс. В связи с непредставлением утвержденного мирового соглашения, определением 22 апреля 2019 г. суд назначил судебное заседание для рассмотрения вопроса о наложении штрафа на истца и ответчика за неисполнение определения суда. Недобросовестные действия истца и ответчика суд расценил как злоупотребление процессуальными правами и неуважение к суду и наложил судебные штрафы на каждую сторону соответственно.

Истец с определением суда не согласился и обратился с апелляционной жалобой, в которой просил отменить обжалуемое определение в части наложения на него судебного штрафа. В обоснование доводов он указал, что в данном случае с его стороны не было злоупотребления правами участника процесса, поскольку истец действительно намеревался заключить мировое соглашение. Апелляционный суд оставил жалобу без удовлетворения. Суд посчитал, что неоднократно заявленные ходатайства об отложении не содержали соответствующих доказательств того, что стороны действительно намерены урегулировать спор путем заключения мирового соглашения. С учетом этого, мнение суда первой инстанции о квалификации заявленных ходатайств об отложении как злоупотребления процессуальным правом и неуважение к суду при-

знано обоснованным. Суд указал, что недобросовестные действия представителей по заявлению явно необоснованных ходатайств направлены на нарушение основных принципов арбитражного процесса, умаление прав иных лиц, участвующих в деле [4].

В приведенном примере суд наложил штраф на лиц, участвующих в деле, в соответствии с ч. 5 ст. 119 АПК РФ за проявленное ими неуважение к арбитражному суду. Следует отметить, что АПК РФ в соответствии с ч. 3 ст. 225.10-1 допускает случай наложения судебного штрафа на лицо, обратившееся в защиту прав и законных интересов группы лиц, в случае злоупотребления им своими процессуальными правами. В иных случаях действующее законодательство не предусматривает санкции в виде штрафа за необоснованные ходатайства. Предусмотренная санкция в виде отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, вызывает сомнения относительно ее справедливости как «наказания» для злоупотребляющего правами, а также должной компенсации за потраченное время второй стороны процесса, особенно в случаях, когда цена иска небольшая.

Еще одним примером квалификации заявленных ходатайств как злоупотребления процессуальным правом может являться постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 8 февраля 2021 г. по делу № А69-880/2020. Суд рассматривал кассационную жалобу Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Республики Тыва (далее – истец), в которой истец просит отменить решения судов первой и апелляционной инстанции, касающихся наложения судебного штрафа за неуважение к суду, выразившееся в неоднократном необоснованном заявлении в процессе судебного разбирательства отводов судье, рассматривающему дело. В кассационной жалобе истец указал на то, что неоднократные отводы судье, рассматривавшему дело, заявлены по разным основаниям. Рассмотрев материалы дела, суд указал, что в процессе судебного разбирательства истец неоднократно и фактически по одному и тому же основанию заявлял отвод судье, рассматривавшему дело. Поскольку законных оснований для отвода судьи не было установлено, заявленные отводы определениями суда от 17 июня 2020 г., 28 июля 2020 г., 23 сентября 2020 г. были отклонены в связи с их необоснованностью [5].

Аналогичную позицию к необоснованным ходатайствам высказал Четвертый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 24 ноября 2021 г. по делу № А78-5154/2021. В судебном заседании представитель истца заявил об отказе от иска. Позже истец заявил об отказе от

ранее заявленного отказа от иска, заявил ходатайство об отложении судебного заседания. После отказа суда в таком отложении повторно заявил о намерении заявить об отказе от иска. Суд признал, что действия ответчика по неоднократному заявлению аналогичных процессуальных ходатайств и отказу от них направлены на необоснованное затягивание судебного процесса, являются злоупотреблением процессуальным правом и препятствуют отправлению правосудия [6].

Между правомерным использованием прав и их злоупотреблением существует тонкая грань. При этом нет единых критериев, позволяющих однозначно определить случаи злоупотребления. Очевидным является лишь то, что злоупотребление связано с недобросовестностью поведения участника процесса и его действия совершаются с целью ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле.

До сих пор в научном сообществе остается дискуссионным вопрос реализации права и возможности его ограничения. Защита прав и свобод человека – одна из конституционных гарантий. Т. А. Малыхина отмечает: «Относя права и свободы человека и гражданина к категории наивысшей ценности, основной закон государства обязуется защищать их и обеспечивать путем реализации справедливого правосудия для защиты прав и свобод, гарантируемых им» [7, с. 102]. В судебной практике в каждом конкретном случае суды самостоятельно определяют, превышает ли сторона допустимые рамки при реализации своих прав. Усмотрение суда – один из спорных моментов в решении вопросов справедливого правосудия в случаях оценки наличия злоупотребления процессуальными правами.

А. И. Приходько, рассматривая вопрос о квалификации судом необоснованных или неоднократно заявленных аналогичных ходатайств, высказывает мнение, что суд не может руководствоваться собственными представлениями о том, будет ли рассмотрение такого ходатайства способствовать конечной цели судопроизводства или нет, и сообразно своему внутреннему убеждению решать, следует ли его рассматривать вообще [8, с. 3]. Важно подчеркнуть, что квалификация действий лиц, участвующих в судебном процессе, как злоупотребления процессуальными правами должна основываться на

соответствующих юридических основаниях. Такой подход поможет избежать ситуации, когда данный феномен подменяет иные правила, а также позволит с осторожностью подходить к применению института злоупотребления процессуальными правами в случаях, когда основания являются спорными.

Приведенные примеры из судебной практики, когда участники процесса позволяют себе длительно продолжать недобросовестные действия, неоднократно их повторять, ярко демонстрируют недостаточность существующих правовых мер для предотвращения злоупотреблений процессуальными правами, необходимость совершенствования законодательства.

Считаем введение четкого правового понятия «злоупотребление процессуальным правом» в законодательство целесообразным, так как неопределенность может вызвать произвольное толкование норм процессуального права. При этом остается актуальным вопрос о введении отдельной нормы с открытым перечнем способов злоупотребления правами, с конкретизацией их признаков. Это позволит преодолеть трудности при доказывании недобросовестного поведения сторон в процессе.

В решении вопроса предупреждения подачи необоснованных ходатайств заслуживает внимания точка зрения К. Г. Балашова, Н. С. Дубровского, А. В. Выходцевой, Е. А. Масуфрановой, которые подчеркивают необходимость закрепления требования о представлении доказательств поданных ходатайств, что поможет исключить формальные запросы и ускорит процесс [9].

Возможно, введение штрафов за необоснованные ходатайства станет уместным дополнением к санкциям за злоупотребление процессуальными правами и позволит снизить количество случаев затягивания процесса. В этом случае следует учитывать, что возможность наложения и размер штрафа должны зависеть от степени нарушения прав других лиц, участвующих в деле, многократности подачи необоснованных или аналогичных ходатайств по делу.

Реализация указанных предложений будет способствовать устранению неопределенности законодательства, содействовать увеличению эффективности судебной защиты прав и законных интересов участников процесса и повышению уровня их добросовестности.

Список литературы

1. Юдин А. В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность : монография. СПб. : Юрид. кн., 2009. 624 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Курас Т. Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 69–77.

4. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 2 сент. 2019 г. по делу № А69-1723/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IRtg18GrrPWX/> (дата обращения: 27.11.2024).
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 8 февр. 2021 г. по делу № А69-880/2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 24 нояб. 2021 г. по делу № А78-5154/2021 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
7. Малыгина Т. А. О некоторых подходах к пониманию сущности конституционного права на судебную защиту // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2 (101). С. 101-104.
8. Приходько А. И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. М. : Волтерс Клувер, 2006. 288 с.
9. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве / К. Г. Балашов, Н. С. Дубровский, А. В. Выходцева, Е. А. Масуфранова // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). URL: <https://research-journal.org/archive/4-142-2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.135> (дата обращения: 28.11.2024).

Особенности и перспективы развития и ведения индивидуального бизнеса

© Ханхасаев П. Н., 2025

П. Н. Ханхасаев

Магистрант 1-го года обучения Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Khankhasaev11@gmail.com

Научный руководитель:

В. В. Ровный, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: rovnii@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности правового регулирования ведения индивидуального бизнеса в России. Анализируются вопросы регистрации индивидуальных предпринимателей, их правовой статус, гражданско-правовая ответственность, договорные отношения и защита прав потребителей.

Ключевые слова: индивидуальное предпринимательство, гражданское право, регистрация, банкротство.

Индивидуальное предпринимательство играет важную роль в развитии рыночной экономики России, представляя собой один из наиболее распространенных способов ведения бизнеса среди граждан. Правовую основу деятельности индивидуального предпринимателя (далее по тексту – ИП, предприниматель) составляют нормы гражданского права, которые регулируют широкий спектр его прав и обязанностей. Этот аспект особенно важен, так как гражданское законодательство определяет ключевые параметры взаимодействия ИП с контрагентами, клиентами и государственными органами, что формирует его правовой статус, включая вопросы его ответственности.

Важным преимуществом индивидуального предпринимательства является простота регистрации ИП. Статья 12 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [1] устанавливает минимальные требования для регистрации ИП, не требуя создания уставного капитала или представления учредительных документов. Это позволяет гражданам быстро начать свою деятельность, что делает индивидуальное предпринимательство привлекательным способом организации и ведения бизнеса.

В то же время правовой статус ИП налагает на него значительные обременения. В отличие от юридических лиц ИП отвечает по своим обязательствам всем своим имуществом, за исключением имущества, на которое по закону не может быть обращено взыскание. Это положение устанавливает более высокий уровень ответственности, что требует от предпринимателя осторожности при заключении договоров и выполнении обязательств перед контрагентами. Например, при заключении договора подряда, который является одним из наиболее распространенных договорных инструментов при осу-

ществлении индивидуальной предпринимательской деятельности, ИП обязан строго соблюдать условия, касающиеся сроков и качества выполненной работы [2, с. 115]. Нарушение этих условий может привести к серьезным последствиям, включая возникновение обязательств по возмещению убытков или уплате неустойки.

Особое внимание необходимо уделить вопросам договорной работы в процессе деятельности ИП. Взаимодействие с контрагентами через договоры купли-продажи, подряда или оказания услуг требует точного соблюдения всех условий сделки, чтобы избежать конфликтов и судебных разбирательств. Гражданский кодекс РФ предоставляет широкий набор правовых инструментов для защиты интересов сторон договора, при этом ИП должен быть готов нести полную имущественную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств [3, с. 128]. Эта ответственность делает индивидуальное предпринимательство достаточно рискованным видом деятельности, так как в случае возникновения претензий со стороны контрагентов или клиентов ИП может потерять все свое имущество, что отличает его от учредителей (участников) юридических лиц, которые обычно несут риск убытков в пределах переданного юридическому лицу имущества. Именно поэтому одной из ключевых задач предпринимателя является грамотное управление своими активами, что особенно актуально в контексте несения правовой ответственности.

Индивидуальные предприниматели, будучи субъектами гражданско-правовых отношений, сталкиваются с необходимостью строгого соблюдения не только гражданского, но и налогового законодательства, которое оказывает значительное влияние на их деятельность [4, с. 36]. Выбор системы налогообложения для ИП является ключевым моментом, так как от него зави-

сит как величина налоговых обязательств, так и объем административных требований и степень контроля со стороны налоговых органов. В России для ИП предусмотрены несколько вариантов систем налогообложения, каждая из которых имеет свои особенности и области применения.

Общая система налогообложения (ОСНО) используется по умолчанию для тех предпринимателей, которые не перешли на специальные налоговые режимы. ОСНО предполагает уплату налогов, включая налог на добавленную стоимость (НДС) по ставке 20 %, налог на доходы физических лиц (НДФЛ) по ставке 13 %, а также страховые взносы. Для ведения деятельности по ОСНО ИП обязаны вести полный бухгалтерский учет, предоставлять налоговую декларацию по НДС и ежегодную декларацию по НДФЛ. Данный режим подходит для ИП, которые работают с крупными компаниями, являющимися плательщиками НДС, так как это позволяет им возмещать НДС из бюджета.

Упрощенная система налогообложения (УСН) – наиболее популярный режим среди ИП, предоставляющий два варианта: «Доходы» (налог 6 %) и «Доходы минус расходы» (налог 15 %). Выбор между ними зависит от структуры расходов бизнеса: если у ИП значительные затраты, то выгоднее использовать режим «Доходы минус расходы». УСН значительно облегчает бухгалтерский учет, поскольку не требует расчета и уплаты НДС и ведения сложной отчетности, однако ограничивает годовой доход (на 2024 г. – до 200 млн руб.). При этом предприниматели освобождаются от уплаты налога на имущество, используемое в предпринимательской деятельности.

Единый налог на вмененный доход (ЕНВД). Этот режим ранее использовался для малого бизнеса, где налог исчислялся исходя из «вмененного», а не фактического дохода. С 1 января 2021 г. ЕНВД был упразднен на федеральном уровне, однако в некоторых регионах могут действовать переходные периоды или специальные льготы для отдельных видов деятельности, которые раньше попадали под ЕНВД. Это касается, например, розничной торговли и услуг. Однако данный режим постепенно уступает место другим системам налогообложения.

Патентная система налогообложения (ПСН). ПСН рассчитана на малые предприятия и предусматривает фиксированную сумму налога, зависящую от предполагаемого дохода по выбранному виду деятельности. Патент можно приобрести на срок от 1 до 12 месяцев, что делает этот режим более гибким и удобным для сезонных видов бизнеса. Важным преимуществом является отсутствие необходимости в ведении полноценного бухгалтерского учета и подачи налоговой декларации. Однако существуют

ограничения по численности работников (до 15 человек) и по годовому доходу (на 2024 г. – до 60 млн руб.).

Таким образом, выбор налогового режима для ИП зависит от множества факторов: вида деятельности, величины дохода, структуры расходов и численности сотрудников. Каждая из систем налогообложения требует соблюдения строгих правил отчетности и своевременной уплаты налогов, а нарушение этих требований может привести к штрафным санкциям и усилению контроля со стороны налоговых органов.

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются индивидуальные предприниматели, является взаимодействие с государственными органами. Несмотря на общий курс на упрощение требований к ведению бизнеса, контроль со стороны государства остается значительным. Индивидуальные предприниматели обязаны вести деятельность в строгом соответствии с нормами, установленными в различных областях, соблюдать санитарные и экологические требования, а также правила охраны труда. Например, при найме сотрудников ИП должен соблюдать нормы Трудового кодекса РФ, обеспечивая безопасные условия труда, осуществляя учет рабочего времени и своевременно уплачивая налоги и взносы в социальные фонды. Нарушение этих требований может повлечь серьезные последствия, включая штрафы, временное приостановление деятельности или даже уголовную ответственность в случае грубых нарушений.

Государственные проверки предпринимателей проводятся различными контролирующими органами, такими как налоговая служба, органы по защите прав потребителей, пожарные службы, инспекции труда и др. Эти проверки могут быть как плановыми, так и внеплановыми, что создает дополнительную нагрузку на предпринимателей. Особенно актуальными проверки становятся в случае нарушения прав потребителей, когда государственные органы проводят тщательное расследование жалоб клиентов на недобросовестные действия предпринимателей. Это накладывает дополнительные обязательства на ИП, требуя от них строгого соблюдения норм и правил, установленных законодательством.

Перспективы реформирования законодательства в сфере индивидуального предпринимательства также играют важную роль в формировании бизнес-среды в России. Государство активно работает над улучшением условий ведения бизнеса, сокращая административные барьеры и упрощая правовые процедуры. Например, в последние годы было принято множество законодательных актов, направленных на облегчение регистрации ИП, упрощение процедур

банкротства и улучшение механизмов защиты прав предпринимателей. В перспективе можно ожидать дальнейших реформ, направленных на защиту интересов ИП, повышение их правовой грамотности и усиление контроля за соблюдением правовых норм в сфере ведения бизнеса.

Немаловажную роль в деятельности многих ИП играет законодательство о защите прав потребителей. Статья 4 Закона РФ «О защите прав потребителей» [5] возлагает на ИП обязанность обеспечивать надлежащее качество предоставляемых товаров, работ и услуг. Нарушение прав потребителей может привести к серьезным санкциям, включая штрафы, возмещение убытков и даже административную ответственность. Это обязывает предпринимателей внимательно следить за соблюдением стандартов качества и условий договоров, чтобы избежать конфликтных ситуаций с клиентами и государственными контролирующими органами. В этой связи важно учитывать, что гражданско-правовые отношения между предпринимателем и потребителем строятся на принципах добросовестности и ответственности, что особенно актуально в условиях растущей конкуренции на рынке.

Говоря о перспективах развития индивидуального бизнеса, нельзя обойти стороной вопрос правовой защиты предпринимателя в случае финансовой несостоятельности. Введение института банкротства для ИП стало значимым шагом в развитии правовой системы России.

Согласно ст. 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [6], ИП может быть признан банкротом при определенных условиях, если его задолженность превышает установленный порог и он не может выполнять свои обязательства перед кредиторами. В случае банкротства предпринимателя на стадии кон-

курсного производства на его имущество обращается взыскание для удовлетворения требований перед кредиторами, что дает возможность легально выйти из сложной финансовой ситуации. Данная процедура банкротства является важным элементом гражданско-правовой защиты и предоставляет предпринимателю возможность восстановить его финансовую стабильность при условии правильного применения правовых норм [7, с. 47].

Таким образом, индивидуальное предпринимательство в России представляет собой важную форму ведения бизнеса, регулируемую нормами гражданского права, а также нормами других отраслей права. Простой процесс регистрации и гибкость в ведении бизнеса делают его привлекательным для многих граждан. В свою очередь, полнота имущественной ответственности, распространяющаяся на все имущество ИП, а также в соответствующих случаях требования по соблюдению прав потребителей создают значительные правовые риски для предпринимателей [8, с. 39]. Эти риски, в свою очередь, компенсируются механизмами правовой защиты, включая институт банкротства и широкий арсенал договорных инструментов.

В условиях современных экономических реалий успешное ведение индивидуального бизнеса требует от предпринимателей не только умения адаптироваться к изменениям рынка, но и глубокого понимания норм гражданского и другого законодательства. Правовая грамотность и ответственность играют ключевую роль в формировании успешной предпринимательской стратегии, а соблюдение норм права является необходимым условием для минимизации рисков и успешного развития бизнеса.

Список литературы

1. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон от 08.08.2002 № 129-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3431.
2. Павлова Л. Н. Правовой статус индивидуального предпринимателя : монография. М. : Юрид. лит., 2020. 240 с.
3. Касаткина С. Н. Договорные отношения в предпринимательской деятельности : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 320 с.
4. Матреев С. Г. Особенности правового регулирования индивидуальной предпринимательской деятельности в России // Юридическая наука и практика. 2019. № 9. С. 35–42.
5. О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
6. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
7. Костин В. И. Правовые основы банкротства индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации // Экономика и право. 2020. № 11. С. 45–52.
8. Горбач О. В. Отдельные вопросы правового регулирования статуса субъектов малого и среднего предпринимательства в России // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2 (101). С. 35–40.

Эколого-правовое просвещение в контексте проблем правовой охраны озера Байкал

© Шильникова А. М., 2025

А. М. Шильникова

Студентка 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: shilnikova.2004@mail.ru

Научный руководитель:

Д. В. Шорников, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: abirvalg35@mail.ru

Аннотация. Озеро Байкал, а также прилегающая к нему территория являются уникальной экосистемой, требующей особой правовой охраны. В настоящей статье автором исследуются некоторые проблемы правоприменения норм национального законодательства и положений международно-правовых актов в области охраны и рационального природопользования на Байкальской природной территории. Отдельное внимание уделяется формированию экологического правосознания граждан Российской Федерации путем эколого-правового просвещения как одного из потенциальных механизмов разрешения выделяемых автором проблем правовой охраны оз. Байкал.

Ключевые слова: оз. Байкал, всемирное наследие, экологическое просвещение, природный объект, туристическая деятельность.

Уникальное значение экологической системы Байкала, самого глубоководного и самого древнего озера в мире, расположенного в Восточной Сибири, известно, пожалуй, каждому из нас еще со школьной скамьи. Необходимость всемерного сохранения оз. Байкал и Байкальской природной территории требует в том числе формирования экологического и правового сознания граждан, как проживающих в Байкальском регионе, так и посещающих его с туристическими и иными целями. Не должно быть никаких сомнений в том, что эколого-правовое просвещение в настоящее время рассматривается как одна из наиболее важных составляющих школьного воспитания подрастающего поколения.

Об уникальном значении экосистемы Байкальской природной территории формальным образом свидетельствует тот факт, что 5 декабря 1996 г. на XX сессии комитета ЮНЕСКО по всемирному наследию оз. Байкал, а также прилегающие к нему территории, были внесены в Список всемирного наследия. Укажем, что при внесении особо отмечалось, что благодаря пресноводной экосистеме, сформированной на Байкальской природной территории, возможно изучение эволюции жизни на Земле.

Важно заметить, что проблема правовой охраны Байкала в последнее время является предметом активного исследования ученых, таких, как, например, А. С. Волгина [2, с. 356–360], Я. Б. Дицевич [3, с. 27–32], А. Д. Калихман [4, с. 71–89], Р. Ю. Колобов [5, с. 127–133; 6, с. 26–39], Т. И. Отческая [7, с. 18–22], О. В. Хышиктуев [8, с. 139–147] и др.

Прежде чем выделить проблемы в области рационального природопользования и охраны окружающей среды на Байкальской природной территории, следует назвать основные элементы сложившейся нормативной системы в данной области. Одним из наиболее значимых элементов международно-правового уровня охраны оз. Байкал является Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. № 8595-XI. Данный акт, не так давно отметивший свой полувековой юбилей, состоит из 8 разделов и 38 статей. Обратим внимание на то, что седьмой раздел содержит положения, регулирующие реализацию различного рода просветительских программ в области охраны всемирного культурного и природного наследия. Российская Федерация как сторона данного международного договора обязуется, среди прочего, проводить различные информационные программы, благодаря которым уровень уважения к объектам всемирного наследия, а в данном случае – к оз. Байкал, должен повышаться. Кроме того, государство обязуется информировать население об опасностях, которые могут грозить природным объектам, а также о принятых мерах [1].

Обращаясь к национальному уровню правового регулирования, кратко перечислим основные национальные нормативные правовые акты, оказывающие влияние на охрану оз. Байкал:

- 1) Конституция РФ, прежде всего ст. 9, 42, 72;
- 2) Водный кодекс РФ от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ;
- 3) Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ;

4) Федеральный закон «О животном мире» от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ;

5) Федеральный закон «Об охране озера Байкал» от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ;

6) Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении границ Байкальской природной территории и ее экологических зон» от 27 ноября 2006 г. № 1641-р;

7) Устав Иркутской области от 15 апреля 2009 г. № 9/5-ЗС;

8) Постановление правительства Иркутской области «О службе государственного экологического надзора Иркутской области» от 18 мая 2020 г. № 343-пш.

Напомним, что, помимо вышеперечисленных, в настоящее время сформировался уже целый ряд иных нормативных правовых актов, регулирующих в той или иной степени охрану окружающей среды и рациональное природопользование на Байкальской природной территории, рассматривать которые не позволяет объем нашей статьи.

Безусловно, что во главе корпуса «законодательства о Байкале» стоит Федеральный закон «Об охране озера Байкал» от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ, играющий роль специального акта в области охраны окружающей среды уникальной экосистемы Байкала. Интересно, что предпосылки принятия данного нормативного правового акта начали формироваться еще с начала 60-х гг. прошлого века, однако первоначально нормативные правовые акты были направлены по большей части, а в ряде случаев исключительно, на регулирование природопользования в акватории оз. Байкал и на прилегающей к нему природной территории, уделяя значительно меньшее внимание природоохранной составляющей, тем более в идеологической ее части, а именно в сфере формирования эколого-правового сознания населения.

Очевидно, что одним из ключевых моментов изменения отношения к формированию эколого-правового механизма охраны оз. Байкал стало уже указанное нами включение его Комитетом по Всемирному наследию ЮНЕСКО в Список всемирного природного наследия, которому корреспондировал ряд практических рекомендаций, в частности о необходимости перепрофилирования Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Отметим, что наряду с практическими предложениями Комитет по Всемирному наследию ЮНЕСКО рекомендовал принять специальный нормативный правовой акт, регулирующий всю совокупность отношений в области охраны окружающей среды и рационального природопользования на Байкальской природной территории. Собственно, таким нормативным правовым актом и стал Федеральный закон «Об охране озера Байкал».

Несмотря на все удлиняющийся список действующих нормативно-правовых актов, регулирующих охрану оз. Байкал, и сегодня авторы выделяют ряд проблем, связанных с недостаточной эффективностью принятых правовых норм [2, с. 357]. Действующее законодательство и практика правоприменения, к сожалению, нередко противоречат друг другу.

Остановимся на некоторых наиболее заметных проблемах в сфере правоприменительной практики по охране и рациональному использованию окружающей среды на Байкальской природной территории.

В первую очередь следует обратиться к такому способу рекреационного природопользования, как туристская и туристическая деятельность. Туризм, безусловно, является существенной составляющей общественной и индивидуальной активности значительной части российского общества. Сразу скажем, что именно вследствие туризма заметно усиливается антропогенное воздействие на природные объекты. Воздействие туризма на Байкальскую природную территорию постоянно остается на высоком и все возрастающем уровне. Нет сомнений, что данного рода деятельность является триггером для развития малого бизнеса, обустройства прилегающей к озеру территории и в целом для социально-экономического развития. Однако стоит ли рассматривать туризм исключительно в позитивном ключе?

Нескоординированное развитие бизнеса в сфере туризма приводит к конфликту крупного и малого бизнесов, поэтому туристическая инфраструктура имеет хаотичный характер. Мнение местного населения, как правило, не учитывается при строительстве новых сооружений или зданий, что приводит к социальным конфликтам. Сегодня особенно остро стоит вопрос о незаконном строительстве зданий, сооружений вблизи или иногда внутри границ особо охраняемых территорий.

Констатируем, что действующее законодательство, регулирующее туристическую деятельность на территории Российской Федерации, имеет слабую связь с требованиями законодательства относительно охраны окружающей среды. В связи с этим необходимы специальные методы охраны озера.

Не может остаться без нашего внимания Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Действие БЦБК формально было приостановлено в 2013 году, однако последствия работы данного предприятия дают о себе знать до сих пор. Наиболее проблемный аспект здесь в первую очередь в отсутствии очистных сооружений при наличии сильно загрязненной площадки складирования отходов.

Необходимо отдельно рассмотреть ст. 25.1 Федерального закона «Об охране озера Байкал» от 1 мая 1999 г. № 94-ФЗ. В данной статье закрепляется возможность осуществления сплошных рубок на землях лесного фонда, а также перевода таковых земель в земли иных категорий. Все это сделано с целью увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей. Целый ряд и отечественных и зарубежных ученых и общественных организаций, борющихся за охрану природы, занял позицию «против» и выступил с критикой принятого решения [6, с. 30–31].

Таким образом, действующее сегодня законодательство состоит из ряда нормативных правовых актов, содержащих довольно большой массив различных правовых норм в части охраны самого оз. Байкал и прилегающей территории, которые, однако, не в полной мере позволяют решить достаточно серьезную совокупность проблем. Одни проблемы касаются нарушения существующих положений, а другие вытекают из неспособности действующих легальных правил в достаточной мере обеспечить сохранность уникального природного объекта. Заметим здесь, что остро необходимо принять ряд норм, которые будут в достаточной мере регулировать туристическую деятельность в соответствии с требованиями охраны окружающей среды. Кроме того, следует принять ряд ограничений в отношении возведения зданий и сооружений в буферной зоне особо охраняемых природных территорий. Конечно, данные нормы не должны противоречить действующему законодательству РФ, а также нормам международного характера.

Мы начали данную работу с констатации очевидного факта, что Байкал имеет как национальную, так и международную ценность. Практически все авторы солидарны в том, что включение Байкальской природной территории в Список всемирного наследия громко заявляет о важности сохранения такого биологического объекта [5, с. 127–128].

Вместе с тем мы считаем, что разрешение как вышеуказанных, так и иных проблем в области взаимодействия человека и природы на Байкале невозможно одним совершенствованием нормотворчества и правоприменения. Одним из главных направлений современной охраны Байкала является эколого-правовое воспитание и просвещение. Формирование эколого ориентированного общественного сознания, развитие как бытовой природоохранной культуры, так и экологической идеологии на уровне государства, безусловно, один из ключевых аспектов в сохранении Байкала.

Говоря о практических аспектах развития экологического просвещения и образования в Байкальском регионе, отметим, что в последнее время в этой области происходят определенные позитивные изменения. В частности, в образовательных учреждениях все большее внимание уделяется экологическому воспитанию подрастающего поколения. Классные часы, мастер-классы, проектная деятельность, иные формы учебно-методической активности экологического направления способствуют повышению уровня образованности в сфере экологии и формируют у учащихся основы экологической культуры.

Анализируя современное состояние дел в исследуемой сфере, можно выделить следующие особенности и одновременно перспективные направления эколого-правового просвещения в контексте правовой охраны оз. Байкал:

- Комплексность: просвещение должно охватывать собой одновременно и экологические, и правовые аспекты. При этом если с первой составляющей дела обстоят относительно неплохо, то вторая в настоящее время явно требует большего к себе внимания. У подрастающего поколения должно быть четкое понимание того, какие нормы права защищают Байкал, какие действия запрещены, но также и того, какие права граждане имеют в отношении рационального природопользования на Байкальской природной территории.

- Концентрация на локальной специфике: эколого-правовое просвещение должно акцентировать внимание на особенностях Байкальского региона, существующих региональных экологических и эколого-правовых рисках и эффективных мерах по их минимизации и предотвращению.

- Привлечение различных целевых групп: эколого-правовая информация должна быть доступна для всех социальных групп – от школьников (и, возможно, даже детей дошкольного возраста) до профессиональных экологов, от туристов до местных жителей. Для каждой группы следует разработать и реализовать соответствующие форматы и методы.

- Практическая направленность: эколого-правовое просвещение и образование не должны представлять только теоретический базис, быть исключительно абстрактными. Получаемые знания и компетенции должны быть апробированы путем развития практических навыков и умений, инструментов активного участия в практической охране Байкала, которые могут и должны быть применены «здесь и сейчас».

- Взаимодействие с различными субъектами в образовательно-воспитательном процессе: эффективное эколого-правовое просвещение не может быть реализовано только узкой группой

энтузиастов. Достижение эффективного результата возможно только в сотрудничестве с государственными органами, научными организациями, общественными объединениями, субъектами предпринимательской деятельности, средствами массовой информации.

В заключение отметим, что эколого-правовое просвещение должно быть не только и,

возможно, не столько информативным, но и вдохновляющим. Граждане, проживающие на берегах Байкала или вдали от них, должны увидеть, что их действия могут изменить ситуацию к лучшему, и поверить в то, что Байкал может быть сохранен для будущих поколений.

Список литературы

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: принята в г. Париже 16.11.1972 // Гарант: справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/2133078/> (дата обращения: 15.11.2024)
2. Волгина А. С. Правовая охрана озера Байкал // Вопросы российской юстиции 2019. № 2. С. 356–360.
3. Дицевич Я. Б. Изменения законодательства в сфере охраны озера Байкал: альтернативы и перспективы // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 2(36). С. 27–32.
4. Калихман А. Д. Пространство Байкала в исторической матрице // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 1(2). С. 71–89.
5. Колобов Р. Ю. Проблемы и перспективы развития системы охраны всемирного наследия // Сибирский юридический вестник. 2024. № 1(10). С. 127–133.
6. Колобов Р. Ю., Дицевич Я. Б. Проблемы международно-правовой охраны озера Байкал: итоги 44 сессии Комитета всемирного наследия // Международное право. 2021. № 3. С. 26–39. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.3.36699
7. Отческая Т. И. Озеро Байкал – национальное достояние Российской Федерации // ГлаголЪ правосудия. 2024. № 2(36). С. 18–22.
8. Хышиктуев О.В. Проблемы защиты озера Байкал: международно-правовые и национально-правовые аспекты // Land law; natural resources law; environmental law; agricultural law. 2017. № 7. С. 139–147.